АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН
ИНСТИТУТ ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ АКАДЕМИИ НАУК РБ
ФГБОУ ВО «БАШКИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
СТЕРЛИТАМАКСКИЙ ФИЛИАЛ

Л.А. Шнайдерман

ФОНЕТИКО-МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА РУССКОГО ЯЗЫКА В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ

Уфа-2016

УДК 80
ББК 81
Ш 76

Издание осуществлено при содействии Фонда поддержки научных исследований Академии наук Республики Башкортостан

Ответственный редактор:
Л.П. Колоколова, кандидат филологических наук, доцент (Стерлитамакский филиал БашГУ)

Рецензенты:
З.М. Дударева, доктор филологических наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин (Филиал ФГБОУ ВПО «УГАТУ» в г. Стерлитамаке);
Н.Б. Мухина, кандидат филологических наук, доцент кафедры германских языков (Стерлитамакский филиал БашГУ)

Ш 76 **Шнайдерман Л.А.** Фонетико-морфологическая система русского языка в историческом развитии. – Уфа: Гилем, Башк. энцикл., 2016. – 100 с.
ISBN 978-5-88185-2322-8

Монография посвящена анализу и объяснению изменений, которые произошли в русском языке за длительный период его исторического развития в области фонетики и морфологии. Она поможет более глубокому изучению историко-филологических дисциплин в педагогических вузах.

Предназначена преподавателям, студентам-бакалаврам, магистрантам университетов, учителям школ и всем, кто увлекается историей языка.

УДК 80
ББК 81

© Шнайдерман Л.А., 2016
© Институт прикладных исследований АН РБ, 2016
© СФ БашГУ, 2016
© Издательство «Гилем» НИК «Башкирская энциклопедия», 2016

ISBN 978-5-88185-2322-8

Часть 1. ФОНЕТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА РУССКОГО ЯЗЫКА В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ

СИСТЕМА ГЛАСНЫХ ЗВУКОВ РУССКОГО ЯЗЫКА

В звуковой системе древнерусского языка к моменту появления памятников письменности и начала письменного периода существовали следующие гласные звуки: *а*, *о*, *у*, *ы*, *и*, *е*, ѣ (дифтонг *ие*, обозначавшийся буквой ять), *о* закрытый; *о*, *е* неполного образования, обозначаемые буквами *ъ*, *ь*, *ä*, восходящий к *е* носовому (табл. 1).

Гласные переднего ряда *и*, *е*, ѣ, *ь*, *ä* противопоставлялись гласным непереднего ряда *ы*, *у*, *о*, *ъ*, *а*, *ô*. Перед гласными переднего ряда согласные смягчались, а перед гласными непереднего ряда согласные были твердыми. Все эти гласные были самостоятельными фонемами и различались по ряду, подъему и лабиализации, кроме гласных *ъ – о*, *ь – е*, совпадавших по всем признакам, но различавшихся в количественном отношении, что способствовало утрате *ъ* (ер) и *ь* (ерь).

Таблица 1

Артикуляционная характеристика гласных звуков древнерусского языка

	Передний ряд	Средний ряд	Задний ряд
Верхний подъем	и	ы	у
Средний подъем	ѣ (ять) е, ь		ô закр. о, ъ
Нижний подъем	’ä		а

В древнерусском языке раннего периода развития были носовые гласные [ę] (*е* носовое) и [ǫ] (*о* носовое), которые обозначались в древнерусских текстах соответственно буквами ѧ (юс малый) и ѫ (юс большой). Утрата носового призвука произошла еще в дописьменный период, не позднее 8 в. [Галинская Е.А. 1993: 42–44]. При утрате носового призвука на месте [ǫ] стал произноситься [у], а на месте [ę] – [’а]: общеслав. **dǫbъ – дубъ*; **męso – мясо*; **rǫka – роука*; **pętь – пять*. Этот процесс закончился до IX в., на что указывает следующий факт:

в древнерусских памятниках письменности буквы ѫ и ѧ, обозначавшие носовые гласные в старославянском языке, смешиваются с буквами *ОУ*, *а*, *я*, обозначавшими чистые, не носовые звуки: *рабѫ* вместо *рабоу*, *почахъ* вместо *почѧхъ*, *чадомъ* вместо *чѧдомъ* и др. Такое смешение букв может означать только то, что на месте исконных [ǫ] и [у], [ę] и [’а] слышался один и тот же звук. Результатом этого процесса в современном русском языке явились регулярные чередования [’а // им], [’а] // [ин], [’а] // [ен], [у] // [он]: *начать – начинать*, *сжать – сжимать*, *имя – имена*, *пламя – пламенеть*, *мять – разминать*, *память – вспоминать*, *звук – звонок* и др. [Бернштейн С.Б. 2005: 206].

Гласные в древнерусском языке различались по долготе и краткости. Гласные звуки русского языка восходят к следующим долгим и кратким индоевропейским гласным и дифтонгам:

Гласный [а] в русском языке – к индоевропейским гласным *а* долгому и *о* долгому, ср.:

лат. *mater* «мать» – рус. *мать*

лат. *pastor* «пастух» – рус. *пастух*

лат. *donum* «дар» – рус. *дар*

лат. *nos* «нас» – рус. *нас*.

Гласный [’а] в русском языке – к индоевропейским дифтонгам *en*, *em*, *in*, *im*, а также к индоевропейскому гласному [ē], ср.:

лат. *mentha* «мята» – рус. *мята*

нем. *tausend* «тысяча» – рус. *тысяча*

греч. *pente* «пять» – рус. *пять*

польск. *mensa* «мясо» – рус. *мясо*

общеслав. *pekēlь* «печаль» – рус. *печаль*.

Гласный [о] в русском языке – к индоевропейским гласным *а* краткому и *о* краткому, ср.:

лат. *atta* «отец» – рус. *отец*

лат. *sale* «соль» – рус. *соль*

лат. *ovis* «овца» – рус. *овца*

лат. *volo* «воля» – рус. *воля*

лат. *mors* «смерть» – рус. *мор*,

а также к древнерусскому редуцированному гласному [ъ], восходящему к индоевропейскому *u* краткому, ср.:

лат. *muscus* «мох» – рус. *мох*, др.-рус. *мъхъ* [Дурново Н.Н. 2000].

Гласный [ы] в русском языке – к индоевропейскому гласному *u* долгому и дифтонгам *au*, *ou*, *eu*, ср.:

лат. *tu* «ты» – рус. *ты*
лат. *mus* «мышь» – рус. *мышь*
лат. *sunus* «сын» – рус. *сын*
лат. *rufus* «ярко-красный» – рус. *рыжий*
нем. *tausend* «тысяча» – рус. *тысяча*
лит. *grauszti* «грызть» – рус. *грызть*.

Гласный [и] в русском языке – к индоевропейскому гласному *i* долгому и дифтонгам *ai*, *oi*, *ei*, ср.:
греч. *ilus* «масло» – рус. *ил*
нем. *Igel* «ёж» – рус. *игла*
латыш. *eiwa* «черемуха» – рус. *ива*
нем. *ein* «неопределенный артикль» – рус. *иной*.

Гласный [е] в русском языке – к индоевропейским гласным *e* краткому, *e* долгому и дифтонгам *ai*, *oi*, *ei*, ср.:
лат. *pes* «нога» – рус. *пеший*
лат. *verus* «вера» – рус. *вера*
лат. *genus* «род, порода» – рус. *жена*
лат. *decem* «десять» – рус. *десять*
лат. *vetus* «старый» – рус. *ветхий*
лат. *medium* «средний» – рус. *межа*
литов. *kaina* «цена» – рус. *цена*,
а также к древнерусскому редуцированному гласному [ь], восходящему к индоевропейскому *i* краткому, ср.:
латыш. *dina* «день» – рус. *день*, др.-рус. *дьнь*
индоевроп. корень *di* «светить» – рус. *день*
лат. *linum* «лён» – рус. *лён*, др.-рус. *льнъ*
лат. *ignis* «огонь» – рус. *огонь*, др.-рус. *огнь*
литов. *visas* «весь, целый, каждый» – рус. *весь*, др.-рус. *вьсь*.

Гласный [у] в русском языке – к индоевропейским дифтонгам *au*, *ou*, *eu*, сочетаниям *an*, *am*, *on*, *om*, ср.:
греч. *gomphos* «зуб, рог» – рус. *зуб*
лат. *grandis* «большой» – рус. *грудь*
литов. *dausos* «воздух» – рус. *душа*
др.-инд. *dhamati* «дует» – рус. *дуть*
индоевроп. *dhou-* «волнение, дух» – рус. *дума*
греч. *demo* «строю» – рус. *дуб*.

Гласные ъ (ер) и ь (ерь) в древнерусском языке были сверхкраткими.

При произношении редуцированных гласных связки были слабо натянуты, уменьшалась сила голоса, то есть редуцированные отличались от гласных полного образования только количественно [Зализняк А.А. 2002: с. 550–558].

На краткость этих звуков указывают сравнения с индоевропейскими языками, где они соответствовали кратким звукам:

– *ъ*, т. е. *о* неполного образования, соответствовал -*u* краткому: др.-рус. *сынъ* – лат. *sunus*;

– *ь*, т. е. *е* неполного образования, соответствовал -*i* краткому: др.-рус. *вьсь* «весь» – литов. *visas* «весь».

Редуцированные гласные находились в сильной и слабой позиции.

Слабая позиция редуцированных гласных *ъ, ь* наблюдалась:

1) в абсолютном конце слова: *садъ, конь, домъ*;

2) перед гласным полного образования: *дъва, къто, чьто*;

3) перед слогом с сильным редуцированным гласным: *жьньцъ, сънъмь*.

Сильная позиция редуцированных гласных *ъ, ь* наблюдалась:

1) под ударением: *съ́нъ, дь́нь*;

2) перед слогом со слабым редуцированным гласным: *тъпъ́тъ, гостьмъ*;

3) перед плавными согласными *р, л*: *вълна, тъ́рговати*;

4) у единственного в слове редуцированного гласного: *нъ, тъ, сь*.

В смежных слогах редуцированные гласные могли чередоваться сильной и слабой позицией в зависимости от места в слове. В этом случае чередование слабых и сильных редуцированных начиналось с конечного слабого редуцированного, например:

вЪчьнъ – в слоге *нъ* слабый редуцированный, так как находится в абсолютном конце слова; в слоге *чь* сильный редуцированный, так как находится перед слогом со слабым редуцированным;

локътьмь – в слоге *мь* слабый редуцированный, так как находится в абсолютном конце слова; в слоге *ть* сильный редуцированный, так как находится перед слогом со слабым редуцированным; в слоге *къ* слабый редуцированный, так как находится перед слогом с сильным редуцированным.

Слабые редуцированные исчезали, а сильные изменялись в гласные полного образования: *ъ* → *о*, *ь* → *е*. Так как гласные [о]

– [ъ], [е] – [ь] были одинаковы по месту образования и подъему языка, то исчезновению редуцированных способствовала утрата количественных различий в древнерусском языке к XI веку. Именно количественное различие было единственным дифференциальным признаком этих звуков.

Процесс утраты редуцированных в лингвистической литературе принято называть падением редуцированных. А.А. Шахматов установил хронологию этого процесса в работе «Очерки древнейшего периода истории русского языка».

Раньше всего редуцированные были утрачены в южнорусских говорах, где процесс падения редуцированных завершился во 2-й половине XII века, а в северных говорах – к 1-й половине XIII века. Прежде всего наблюдалась утрата слабых редуцированных, а затем изменение сильных редуцированных в гласные полного образования [Собинникова В.И. 1984].

Процесс падения редуцированных осложнялся действием закона морфологической аналогии, т.е. влиянием одних грамматических форм на другие. В результате закона морфологической аналогии слабые редуцированные могли изменяться в гласные полного образования *о*, *е*, тогда как сильные редуцированные могли утратиться. Так, формы именительного падежа влияли на формы косвенных падежей существительных. Таким образом, происходил процесс обобщения основ. Например:

в Им. п. *жьньць*, *чьсть* → *жнец*, *честь*;

в Род. п. ожидались бы формы *женца*, *чти*;

в Дат. п. ожидались бы формы *женцу*, *чти*.

Однако под влиянием именительного падежа в косвенных падежах установилась форма с одной основой:

Род. п. *жнеца*, *чести*;

Дат. п. *жнецу*, *чести*.

Наблюдался и обратный процесс – косвенные падежи оказывали влияние на именительный падеж. Так, вместо ожидаемой формы именительного падежа *Смольнеск* (из *Смольньскь*), *Куреск* (из *Курьскь*) имеем формы *Смоленск*, *Курск* под влиянием форм родительного и дательного падежей: *Смоленска*, *Курска*, *Смоленску*, *Курску.*

Множественное число также оказывало влияние на единственное число. Например, вместо ожидаемых форм единственного числа *цка*, *цки* (из *дъска´*, *дъски´*) и *сткло*, *сткла* (из *стькло´*, *стькла´*) имеем

формы *доска*, *доски´* и *стекло*, *стекла´* под влиянием форм множественного числа *дъ´ски*, *дъ´съкъ* и *сть´кла*, *сть´клъ* [Галинская Е.А. 2009].

Изменение слабых редуцированных в гласные *о*, *е* происходило также под влиянием книжного произношения: *собор*, *совет*, *восход.* Особенно часто книжные формы употреблялись в словах с определенными приставками и предлогами: *сочинить*, *вошёл*, *во фразе*, *со страхом.* В поэтической речи XVIII – XIX вв. эти примеры широко распространены: *сокрыться*, *соплести*, *ко врагам.*

Как изменились слова в результате падения редуцированных можно увидеть при сравнении древнерусских аналогов с современными русскими: *кънѧзь – князь*, *дьнь – день*, *възѧти – взять*, *събьрати – собрать*, *сънъ – сон*, *съна – сна*, *мьнѢ – мне*, *мъхъ – мох*, *жьдати – ждать*, *съзъвати – созвать*, *зъло – зло*, *лъжька – ложка*, *съдоровъ – здоров*, *подъшьва – подошва*, *пьсьць – песец*, *пьсьца – песца*, *чьтьць – чтец*, *чьтьци – чтецы*, *дъска – доска*, *жьньць – жнец*, *подъжьдати – подождать*, *Орьлъ – Орел*, *тьсть – тесть.*

Исчезнув как гласные звуки, редуцированные оставили след: *ъ* и *ь* как графические знаки указывают на твердость-мягкость предшествующего согласного: *день*, *читать*, *подъём*, *съезд.*

Ъ и *ь* как разделительные знаки используются для обозначения [j] перед гласными буквами *е*, *ё*, *ю*, *я.* Разделительный твердый знак *ъ* пишется перед гласными буквами *е*, *ё*, *ю*, *я* после приставок на согласную и после первой части сложных слов: *объём*, *предъявить*, *конъюнктура*, *субъект*, *двухъярусный*, *сверхъестественный.* В остальных случаях перед гласными буквами *е*, *ё*, *ю*, *я*, *и* в заимствованных словах перед *о* пишется разделительный мягкий знак *ь*: *бельё*, *сватья*, *воробьи*, *шью*, *устье*, *павильон.* Такое употребление букв *ъ* и *ь* закрепилось после реформы 1917–1918 гг. До реформы буквы *ъ* и *ь* писались по традиции в конце слова после согласных, хотя вопрос об изъятии *ъ* в конце слов после согласных поднимался неоднократно. Г. Успенский в книге «Слово о словах» указывает, что в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» буква *ъ* на конце слова после согласного употребляется 213 000 раз.

Гласные *и, ы* в древнерусском языке могли быть редуцированными перед [j] и перед [и] [Зализняк А.А. 2002: с. 550–558].

Слабая позиция редуцированных гласных *и, ы* наблюдалась:

1) в первом слоге без ударения: *лю̲ю* (совр. *лью* – 1-е л. ед. ч. глагола *лить*), *пю̲ю* (совр. *пью* – 1-е л. ед. ч. глагола *пить*);

2) перед слогом с гласным полного образования: *костию*.

Сильная позиция редуцированных гласных *и, ы* наблюдалась:

1) в первом слоге под ударением: *мыю* (совр. *мою* – 1-е л. ед. ч. глагола *мыть*, *ы* → *о*); *шия* (совр. *шея*, *и* → *е*);

2) перед гласным *и*: *золотыи*, *худыи*, *молодыи* (совр. *золотой*, *худой*, *молодой*; *ы* → *о*).

Обычно редуцированные *ы*, *и* наблюдались в системе форм склонения типа *кость*, в окончаниях прилагательных мужского рода единственного числа, в формах повелительного наклонения и в настоящем времени глаголов.

Слабые редуцированные исчезли, а сильные изменились в гласные полного образования: *ы* → *о*, *и* → *е*. Это изменение происходило после изменения *ъ*, *ь* в *о*, *е*, т. е. к XIII–XIV веку.

В древнерусском языке был **гласный ѣ** (ять), произносившийся как дифтонг [и^{е}], т.е. средний между [и] и [е] [Гальченко М.Г. 1996: с. 50–64].

Происхождение звука [ѣ] (ять) в славянских языках различно: в раннюю эпоху – из [ē], в более позднюю эпоху – из дифтонгов *ai*, *oi*. Этим объясняется различное изменение заднеязычных согласных [г], [к], [х] перед [ě]. Если [ѣ] из [е] долгого, то [г], [к], [х] изменялись в [ж], [ч], [ш]. Если [ѣ] из дифтонгов *ai*, *oi*, то [г], [к], [х] изменялись в [з], [ц], [с].

Утрата звука [ѣ] происходила в течение XIII–XVIII вв. Основными причинами утраты звука [ѣ] были следующие:

1) процесс монофтонгизации дифтонгов;

2) изменение *е* в *о* после мягких согласных перед твердыми;

3) развитие соотносительности твердых и мягких фонем, а также их воздействие на предшествующие гласные.

Перед твердыми согласными, которые оказывали большое влияние на предшествующие гласные, происходило изменение *е* в *о* (*село* – из *сёл*, *слеза* – *слёзы*, *везу* – *вёз*), а также изменение звука [ѣ] в *е* (*лѣсъ* → *лес*, *мѣлъ* → *мел*).

Таким образом, после мягких согласных перед твердыми гласный [е] происходит из [ѣ]:

сѣно → *сено*,
лѣто → *лето*,
бѣлый → *белый*,
мѣсто → *место*,

дѣло → дело.

Лишь в некоторых словах современного русского языка имеется гласный [и] на месте [ѣ]: *дитя*, *мизинец*, *свидетель*.

На отличие [ѣ] и [е] указывали М.В. Ломоносов, В.К. Тредиаковский, П.П. Сумароков, который говорил, что [ѣ] «несколько вшибается в И». В разговорной речи Москвы [ѣ] перестает действовать в XVIII веке, из литературного языка его употребление вышло в 60-е годы XVIII века, так как долго сохранялся в церковнославянском языке и в высоком стиле. Однако орфографически буква ѣ (ять) оставалась до реформы 1917–1918 гг.

Во всех славянских языках перед гласными [э] (*есть*) и [‘а] (*яти* «брать») в начале слова развился *j* (йот), но затем в старославянском языке он утратился, поэтому возникли звуковые соответствия: начальное *я* свойственно словам русского происхождения: *яблоко*, *ягненок*, *яз*, *явиться*, *ягода*, *яйцо*, *яровые*, *ящерица*. Начальное *а* свойственно словам старославянского происхождения: *аблоко*, *агнец*, *азы*, *авитися*, *агода*, *айце*, *аръ* (весна), *аштеръ*. Таким образом, начальное ударное *а* и неударное орфографическое *а* являются признаками заимствованных слов: *абзац*, *аквариум*, *абитуриент*, *абрикос*, *авария*, *август*, *автобус*, *агитатор*, *агент*, *актёр*, *акация*, *алгебра* и мн. др. Исключение: *ау*, *аукать*, *аканье*, *акать*, *авось*.

Начальный *j* пред гласным [у] является признаком слов старославянского происхождения, так как в древнерусском языке он отсутствовал, ср.: рус. *уноша* – ст.-слав. *юноша*, рус. *уха* – ст.-слав. *юха*, рус. *уг* – ст.-слав. *юг*. Один из вариантов – древнерусский или старославянский – утратился, но в отдельных случаях возникла дифференциация значения: рус. *уродливый* (некрасивый, безобразный) – ст.-слав. *юродивый* (чудаковатый, помешанный).

Признаком заимствованных слов является начальное э: *экватор*, *этаж*, *экран*, *энергия* и др. [Сидоров В.Н. 1966].

СИСТЕМА СОГЛАСНЫХ ЗВУКОВ РУССКОГО ЯЗЫКА

К моменту появления памятников письменности в звуковой системе древнерусского языка имелись следующие согласные звуки по месту образования:

1) губные:

а) губно-губные: [б], [п], [м], [в] ([w]) в большей части диалектов;

б) губно-зубной: [в] в отдельных диалектах;

2) переднеязычные: [д], [т], [з], [с], [л], [р], [н], [л’], [р’], [н’], [ж’], [ш’], [ч’], [ж’д’ж’], [ш’т’ш’], [ц’];

3) среднеязычный [j];

4) заднеязычные: [х], [к], [г] (взрывное или фрикативное в зависимости от диалектов) (табл. 2).

Таким образом, система согласных звуков древнерусского языка была в основном близка к системе согласных современного русского языка. Однако в древнерусском языке отсутствовал согласный звук [ф]. В иноязычных словах, имевших [ф], он заменялся другими звуками, близкими по артикуляции: *парус* – греч. *faros*, *Филипп – Хвилипп*.

Согласный [ф] появился только после утраты редуцированных в конце XII века, когда стало возможным нахождение согласного [в] в абсолютном конце слова или перед другим глухим согласным, что приводило к оглушению и изменяло звуки [в] – [в’] в звуки [ф] – [ф’], например: *зов – зо[ф]*, *бровь – бро[ф’]*, *нрав – нра[ф]*, *прав – пра[ф]*, *травка – тра[ф]ка*, *ловчий – ло[ф]чий*, *певчий – пе[ф]чий*, *встреча – [ф]стреча.* Таким образом, наличие буквы *ф* в словах современного русского языка указывает на их иноязычное происхождение: *фонарь*, *философия*, *кефир*, *конфорка*, *канифоль*, *флаг*, *фигура.*

По составу и способу образования система согласных звуков получила совсем незначительные изменения: так же, как и в современном русском языке, в древнерусском языке различались шумные и сонорные согласные. Шумные согласные делились на

1) взрывные: [б], [п], [д], [т], [г], [к];
2) фрикативные: [в], ([ф]), [з], [с], [ж’], [ш’], [j], [х];
3) аффрикаты: [ч’], [ц’].

Сонорные согласные делились на

1) носовые: [м], [н], [н’];
2) плавные: [р], [р’], [л], [л’].

К моменту появления памятников письменности в древнерусском языке звонкая аффриката *s* [дз] утратила взрывную часть и изменилась в согласный [з], слившись с исконным звуком [з]. Однако в алфавите вплоть до XVIII века сохранялись две буквы – *z* (земля), *s* (зело).

Таблица 2

Артикуляционная характеристика согласных звуков древнерусского языка

По участию голосовых связок		По способу образования	По месту образования			
			губные	передне-язычные	средняя-зычный	задняя-зычные
ШУМНЫЕ	Звонкие	Взрывные	б	д		г
	Глухие		п	т		к
	Звонкие	Фрикативные	в (w)	з; ж’; ж’д’ж’	j	
	Глухие			с; ш’; ш’т’ш’		х
		Аффрикаты		ц’; ч’		
Сонорные		Носовые	м	н; н’		
		Плавные		р; р’; л; л’		

Согласные звуки древнерусского языка не имели развитой парной соотносительности по глухости-звонкости, твердости-мягкости, например: *сады – садъ*. Это объясняется тем, что звонкие и глухие согласные не могли соприкасаться друг с другом или находиться в абсолютном конце слова. Ввиду наличия редуцированных гласных звонкие и глухие согласные на конце слова отсутствовали: *порогъ – порокъ*; *рътъ – родъ*. Редуцированные гласные не позволяли согласным находиться рядом, поэтому оглушение и озвончение согласных не было представлено в том виде, какой имеет в современном русском языке, например: *про[з’]ба – просьба*, *о[д]звук – отзвук*. Поэтому в распределении согласных по твердости-мягкости произошли значительные изменения.

В общеславянском языке-основе и в восточнославянских диалектах дописьменной эпохи отсутствовало соотношение звуков по твердости-мягкости, характерное современному русскому языку. Наблюдались согласные смягченные и несмягченные, но парными они не были.

Исконно мягкими согласными были [ж’], [ш’], [ч’], [ш’т’ш’], [ж’д’ж’], [ц’], [j].

Только твердыми согласными были [г], [к], [х], которые в сочетании с гласными переднего ряда и с согласным [j] изменялись в [ж], [ч], [ш] и [з], [ц], [с].

Несмягченными согласными были [б], [п], [д], [т], [з], [с], [м], [в], [г], [к], [х].

Звуки [л], [р], [н] были смягченными и несмягченными в зависимости от положения в слове, от последующего звука, т. е. имели пары [л] – [л’], [р] – [р’], [н] – [н’].

Все несмягченные согласные сохраняли твердость перед гласными непереднего ряда: *домъ*, *волъ*, *дорога*, *столъ*, *былъ*, *сънъ*, *золото* и др. Попадая в положение перед гласными переднего ряда, эти согласные, кроме заднеязычных [г], [к], [х], получили полумягкость, которая была позиционно обусловленной (т. е. перед гласными переднего ряда). Поэтому, хотя к XI веку полумягкие согласные смягчились до полной степени мягкости, они не развили соотносительности по твердости-мягкости.

Сочетаясь со звуком [j], согласные испытывали его влияние. Так, мягкость согласных [л], [р], [н] была обусловлена влиянием [j]. Губные [б], [п], [м], [в] и переднеязычные [д], [т], [з], [с] под воздействием [j] изменяли свое качество [Иванов В.В. 1990].

Таким образом, к моменту появления первых памятников письменности в звуковой системе древнерусского языка все согласные в отношении твердости-мягкости можно разбить на следующие группы:

1) заднеязычные [г], [к], [х] были только твердыми и сочетались только с гласными непереднего ряда.

Согласные [г], [к], [х] без изменений могли сочетаться только с гласными непереднего ряда [а], [о], [у], [ы]: *кынути (кинуть)*, *кый (кий*; *молот)*, *рукы (руки)*, *кысель (кисель)*, *ученикы (ученики)*, *великый (великий)*, *нѣкый (некий)*, *гыбель (гибель)*, *хытрый (хитрый)*, *тугый (тугой)*, *дългый (долгий)*. Поэтому наличие в древнерусском языке сочетаний *ге*, *ке*, *хе*, *ги*, *ки*, *хи* указывает на их иноязычное происхождение: *кедръ*, *келия*, *кесарь*, *кимвалъ*, *кипарисъ*, *китъ*, *гигантъ*, *евангелие*, *архимандрит*, *ехидьна*, *Георгий* и др. (ср. также в совр. рус. яз. *кино*, *кегли*, *гены*, *химия*, *километр*, *гиря*, *хирург*).

Изменение *гы*, *кы*, *хы* в *ги*, *ки*, *хи* связано с тем, что перед гласным среднего ряда [ы] твердые согласные произносились с минимальной лабиализацией, которая потом совсем исчезла, что в свою очередь повлекло за собой изменение заднеязычных [г], [к], [х] в средненебные и переход [ы] в [и] [Касаткин Л.Л. 1999: с. 192–197].

2) губные [б], [п], [м], [в] и переднеязычные [д], [т], [з], [с] были твердыми перед гласными непереднего ряда, полумягкими перед гласными переднего ряда и в сочетании с [j] изменяли свое качество:

б + *j* → *бл*: *любить – люблю*,
п + *j* → *пл*: *купить – куплю*,
м + *j* → *мл*: *дремать – дремлю*,
в + *j* → *вл*: *ловить – ловлю*,
д + *j* → *ж*: *ходить – хожу*,
т + *j* → *ч*: *свет – свеча*,
з + *j* → *ж*: *отрезать – отрежу*,
с + *j* → *ш*: *косить – кошу*;

3) переднеязычные [л], [р], [н] были твердыми перед гласными непереднего ряда, полумягкими перед гласными переднего ряда и мягкими перед [j];

4) [ж’], [ш’], [ч’], [ш’т’ш’], [ж’д’ж’], [ц’], [j] были только мягкими. Они возникли под воздействием [j] на разные согласные и под влиянием гласных переднего ряда на заднеязычные согласные [г], [к], [х]. В современном русском языке согласные [ж], [ш], [ц] являются твердыми. Отвердение [ж], [ш] произошло ко 2-й половине XIV века, отвердение [ц] – к концу XV века.

Современное правописание *жи*, *ши (жить*, *шить*, *души*, *ножи)*, *жь*, *шь (мышь*, *рожь*, *идешь)* объясняются традиционным принципом написания русской орфографии.

Корреляция согласных по твердости-мягкости завершилась после утраты редуцированных, изменения носовых гласных, перехода *е* в *о*. Вначале это соотношение закрепилось между 11 парами согласных: [б] – [б’], [п] – [п’], [в] – [в’], [м] – [м’], [д] – [д’], [т] – [т’], [з] – [з’], [с] – [с’], [л] – [л’], [р] – [р’], [н] – [н’], позднее [ф] – [ф’]. Например: *жива – живя*, *вода – водя*, *весела – веселя*, *борона – бороня*, *гора – горя*. С падением редуцированных это противопоставление наблюдалось в конце слова: *шестъ – шесть*, *осъ – ось*, *голъ – голь*, *конъ – конь*. При этом звонкие согласные в конце слова оглушались.

В связи с действием закона открытого слога в древнерусском языке отсутствовали многие сочетания согласных. По этому закону слоги строились по принципу восходящей звучности. Так как самыми звучными были гласные, то слог должен был оканчиваться на

гласный звук. В том случае, если в слоге было несколько согласных звуков, они также располагались в порядке возрастающей звучности, т. е. сначала взрывные или фрикативные согласные, а потом сонорные, например: *снѣгъ*, *смѣхъ*, *другъ*, *правда*, *братъ*.

В начале слога могли быть также следующие сочетания звуков:

стр – страдати,

ст – нести,

ск – скакати.

Если в одном слоге оказывались сочетания других согласных, то происходили различного рода изменения этих сочетаний. Эти изменения могли быть общими для всех славянских языков или общими только для южнославянских и восточнославянских языков.

Общими для всех славянских языков были упрощения следующих групп согласных:

дн → н: *вядать – вянуть*,

гн → н: *двигать – двинуть*,

бн → н: *погибать – сгинуть*,

пн → н: *усопший – сон*,

дм → м: *дадут – дам*,

тм → м: *вертеть – время*,

скн → сн: *блеск – блеснуть*,

бв → б: *волочить – оболочка*.

Общими только для южнославянских и восточнославянских языков были упрощения следующих групп согласных:

дл → л: *веду – вел*,

тл → л: *плету – плел*,

дт → ст: *вед + ти → вести*; *владеть – власть*,

тт → ст: *плет+ти → плести*; *мету – мести*.

Разные результаты дают в разных славянских языках сочетания *гт'*, *кт'*:

гт' → ч: *мог+ти → мочи* (в др.-рус. яз.); *шт'*: *мошти* (в ст.-слав. яз); *с'* (ц): *mo*с*'* (в польск. яз.)

кт' → ч: *пек+ти → печи* (в др.-рус. яз.); *шт'*: *пешти* (в ст.-слав. яз.); *с'* (ц): *piec'* (в польск. яз.).

Кроме этого, в древнерусском языке отсутствовали сочетания различных согласных с [j]. Сочетаясь с [j], согласные изменялись в близкие по артикуляции звуки (см. выше).

Электронная башкирская энциклопедия

Таблица 3

Соответствия современных русских, древнерусских и общеславянских согласных звуков звукам индоевропейского языка-основы

Индоевроп. согласный звук	Общеслав. согласный звук	Др.-рус. согласный звук	Совр. русский согласный звук
b, bh →	б →	б – б’ →	б – б’ →
p →	п →	п – п’ →	п – п’ →
m →	м →	м – м’ →	м – м’ →
w →	в →	в – в’ →	в – в’ →
d, dh →	д →	д – д’ →	д – д’ →
d →	дj →	ж →	ж →
t →	т →	т – т’ →	т – т’ →
t →	тj →	ч →	ч →
z →	з →	з – з’ →	з – з’ →
z →	зj →	ж →	ж →
s →	с →	с – с’ →	с – с’ →
s →	сj →	ш →	ш →
s →	х →	х – х’ →	х – х’ →
n →	н →	н – н’ →	н – н’ →
l →	л →	л – л’ →	л – л’ →
r →	р →	р – р’ →	р – р’ →
g, gh →	г →	г – г’ →	г – г’ →
k →	к →	к – к’ →	к – к’ →
j →	j →	j →	j →
g →	г (1-я палатализация), гj →	ж →	ж →
k →	к (1-я палатализация), кj →	ч →	ч →
s →	х (1-я палатализация), хj →	ш →	ш →
g →	г (2-я и 3-я палатализация) →	з →	з →
k →	к (2-я и 3-я палатализация) →	ц →	ц →
s →	х (2-я и 3-я палатализация) →	с →	с →
skj, stj →	ш›т’ш’	щ →	щ →
zdj, zgj →	ж›д’ж’	ж’ долгий	ж’ долгий
		ф – ф’ (конец XII в.)	ф – ф’

БАШКОРТ ЭНЦИКЛОПЕДИЯНЫ БАШКИРСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Таким образом, изменение в системе согласных звуков древнерусского языка связано с соотношением согласных звуков по мягкости-твердости, звонкости-глухости [Живов В.М. 1996: с. 78–86] (табл. 3).

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЧЕРЕДОВАНИЯ ГЛАСНЫХ ЗВУКОВ РУССКОГО ЯЗЫКА

Чередование – это замещение одной фонемы другой или другими в одной морфеме, не нарушающее единства морфемы. Чередование, связанное с живыми фонетическими процессами, называется фонетическим. Если изменения фонем утратили фонетическую обусловленность, не связаны с живыми фонетическими процессами и не зависят от фонетических позиций, то такие чередования называются историческими.

Исторические чередования вызваны многими процессами, происходившими в индоевропейский, общеславянский периоды, а также в ранние периоды развития языка [Кузнецов П.С. 1952: с. 60–87].

Чередование *е* // *о* в современном русском языке осталось от периода индоевропейской языковой общности (II–III тысячелетие до н.э.), например: *везу – возить*, *мельник – молоть*, *теку – поток*, *нести – носить*, *вести – водить*.

Чередование *е* // *о* связано со следующими явлениями:

1) со словообразованием: в глагольных корнях (в глаголе или отглагольном существительном) находился гласный [е], в корне существительного – гласный [о], ср.: *чесать – коса*; *течь – поток*, *плету – плот*;

2) с грамматическим значением глагола: в корне глаголов со значением недлительного или однократного действия употреблялся гласный [е], в корне глаголов со значением длительного, повторяющегося, многократного действия – гласный [о], ср.: *нести – носить*; *вести – водить*.

В современном русском языке сохранились чередования звуков, возникшие в общеславянскую эпоху, т. е. в V–VI вв., и свойственные большинству славянских языков. Эти чередования объясняются фонетическими процессами, действовавшими в тот период, такими как: утрата количественных различий в гласных, монофтонгизация дифтонгов, изменение сочетаний гласных с согласными.

Чередование *е* // *а* (*сесть – садиться*) объясняется индоевропейским чередованием *е* долгого // *о* долгого, которые в общеславянском языке изменились соответственно в [ѣ] // [а], в русском языке – в [е] // [а] (я). Ср. также: *сесть – садиться*, *еда – яд*, *есть – ясли* «кормушка для скота».

Чередование *ы* // *о* беглое (*посылать – посол – послать*) объясняется индоевропейским чередованием *и* долгого // *и* краткого, которые в общеславянском языке изменились соответственно в [ы] // [ъ]. После утраты редуцированных гласный [ъ] в сильной позиции изменился в [о], в слабой позиции утратился, что способствовало появлению беглого [о], поэтому в русском языке имеется чередование [ы] // [о] // ноль звука.

Чередование *и* // *е* в корнях *бир* // *бер*, *пир* // *пер*, *дир* // *дер*, *тир* // *тер*, *мир* // *мер*, *чит* // *чет*, *блист* // *блест*, *стил* // *стел* объясняется индоевропейским чередованием *i* долгого // *i* краткого, которые в общеславянском языке изменились соответственно в [и] // [ь]. После утраты редуцированных гласный [ь] в сильной позиции изменился в [е], в слабой позиции утратился, что способствовало появлению беглого *е*, поэтому в русском языке имеется чередование [и] // [е] // ноль звука.

Современная орфография объясняет правописание этих корней наличием или отсутствием суффикса *-а-*, который, восходя к индоевропейским долгим гласным *а*, *о*, употреблялся в общеславянском языке для обозначения длительного, незавершенного, повторяющегося действия, поэтому глаголы с гласной *и* в корне являются глаголами несовершенного вида. Ср.:

выбирать – выберу – выбрать,
запирать – запереть – запру,
придираться – придерётся – придраться,
вытирать – вытереть – вытру,
читать – прочесть – чтец,
умирать – умер – умру,
блистать – блестеть,
расстилать – расстелить – разостлать.

Чередование *а* // *о* в корнях *гар* // *гор*, *зар* // *зор*, *кас* // *кос*, *клан* // *клон*, *мак* // *мок*, *скак* // *скоч* вызвано утратой количественных различий в гласных и связано со значением глагола. Глаголы со значением многократного действия имеют в корне гласный [а],

глаголы со значением однократного действия – гласный [о], ср.: *скакать – вскочить*, *макать – вымокнуть*, *касаться – коснуться*, *излагать – изложить*, *кланяться – поклониться.*

Чередование *а* // *я* в начале слова (*ягнёнок – агнец*) связано с появлением в общеславянский период перед гласными [э] (*есть*) и [‘а] (*яти* «брать») согласного [j] (йот) в начале слова, но затем в старославянском языке он утратился. Начальное *я* свойственно словам русского происхождения, начальное *а* свойственно словам старославянского происхождения: *ягнёнок – агнец*, *яз – азы.*

Чередование *у* // *ю* в начале слова (*урод – юродивый*) связано с появлением в общеславянский период перед гласными [у] согласного [j] (йот) в начале слова, но затем в восточнославянском (древнерусском) языке он утратился. Начальное *у* свойственно словам русского происхождения, начальное *ю* свойственно словам старославянского происхождения: *уха – юшка*, *уродливый – юродивый.*

Чередования *а (я)* // *ин, им, ен, ем, н, м*;

y (ю) // *он, ом, н, м*; *а (я)* // *у (ю)*

(*сжать – сжимать*, *звучный – звонок*, *вязание – узелок*) связаны с появлением у славян в общеславянский период особых носовых гласных *ѧ* (*е* носовое), *ѫ* (*о* носовое), которые в положении перед согласными или в конце слова носили дифтонгический характер.

Происхождение *ѧ* и *ѫ* вызвано законом открытого слога и связано с изменением дифтонгических сочетаний гласных с носовыми согласными. Носовой гласный переднего ряда [е^{н}] возник из сочетания гласного переднего ряда с носовым согласным. Носовой гласный заднего ряда [о^{н}] возник из сочетания гласного заднего ряда с носовым согласным. Они произносились при опущенной занавеске, а струя воздуха проходила через нос.

В результате действия закона открытого слога дифтонгические сочетания изменялись только перед согласным или в конце слова, а перед гласным дифтонгические сочетания сохранялись без изменения. Так возникло фонетическое чередование:

Ѧ // *ен*, *ем*, *ин*, *им*, *ьн*, *ьм*;

Ѫ // *он*, *ом*, *ън*, *ъм*.

После утраты носовых гласных и замены их на неносовые стали наблюдаться чередования:

а (*я*) // *ин*, *им*, *ен*, *ем*, *ьн*, *ьм*;

у (*ю*) // *он*, *ом*, *ън*, *ъм*.

После утраты редуцированных в XII веке эти чередования получили современный вид:

а (я)* // *ен, ем, ин, им: *начать – зачин*; *занять – занимать*; *принять – приём*;

а (я)* // *н, м: *жать – жмёт*; *начать – начну*; *взять – возьму*;

у (ю)* // *он, ом: *звук – звон*;

у (ю)* // *н, м: *надутый – надменный*;

у (ю)* // *а (я): *тугой – тяга*; *кусок – часть*.

Чередования *у* // *ов* (*ев*); *е* // *ой*; *и* // *ой, ей*

(*ковать – кую*, *петь – пой*, *пить – пей*) связаны с процессом монофтонгизации дифтонгов, происходившим в общеславянский период и связанным с законом открытого слога.

В общеславянском языке имелись дифтонги *ai*, *oi*, *ei*; *au*, *ou*, *eu*, которые оканчивались неслоговыми звуками *i-*, *u-*. В конце слова и перед согласным происходила монофтонгизация этих дифтонгов, т. е. сочетание двух звуков в одном слоге, из которых один является слоговым, а другой неслоговым, заменялись одним гласным звуком в пределах слога. У славян дифтонги с неслоговым *i-* (*ai*, *oi*, *ei*) изменились в гласные [и], [ѣ], дифтонги с неслоговым *u-* (*au*, *ou*, *eu*) изменились в гласный [у].

Монофтонгизация дифтонгов *ai*, *oi*, *ei*; *au*, *ou*, *eu* не происходила перед гласными. В этом случае неслоговая часть дифтонга *i-*, *u-* присоединялась к гласному следующего слога. Неслоговой *i-* при этом изменялся в согласный [j], а неслоговой *u-* изменялся в согласный [в]. Так дифтонги *ai*, *oi*, *ei* изменились в сочетания *ой*, *ей*; дифтонги *au*, *ou*, *eu* изменились в сочетания *ов*, *ев*. Например, в слове *кую* (**kouju*) дифтонг *ou* находился перед согласным [j], поэтому он изменился в гласный [у]; в слове *ковати* (**kouati*) дифтонг *ou* находился перед гласным [а], поэтому он изменился в сочетание *ов*. В слове *пѣть* (**poiti*) дифтонг *oi* находился перед согласным [т], поэтому он изменился в гласный [ѣ]; в слове *пой* (**poi*) дифтонг *oi* находился на конце слова, в слове *поёт* (**poiet*) дифтонг *oi* находился перед гласным [э], поэтому в словах *пой*, *поёт* он изменился в сочетание *ой*.

Аналогичны объяснения чередований в словах современного русского языка:

сновать – снуёт,

совать – суета,

подкова – кузнец,
засов – засунуть,
клевать – клюёт,
жевать – жуёт,
пить – пей,
гнить – нагноение,
бить – бей, *бой*.

Чередования *оро, оло, ере, ело* // *ра, ла, ре, ле* (*ворота – вратарь*, *молодой – младший*, *привередливый – вред*, *ошеломлённый – шлем*) объясняется наличием в общеславянский период сочетаний гласных с плавными согласными *or*, *ol*, *er*, *el* в середине слова между согласными и их различным изменением в восточнославянском и старославянском языке.

В индоевропейском языке-основе были сочетания гласных с плавными согласными *or*, *ol*, *er*, *el*, которые в результате действия закона открытого слога перед гласными оставались без изменения (*беру*, *колю*, *просторъ*), а перед согласными изменялись. Эти изменения проходили по-разному в южных, восточных и западных славянских языках.

В древнерусском (восточнославянском) языке путем развития после плавного согласного дополнительного гласного, одинакового с предшествующим, сочетания *or*, *ol*, *er*, *el* изменились соответственно в *оро*, *оло*, *ере*, *оло (ело)*: *борда* → *борода*, *голва* → *голова*, *берг* → *берег*, *мелко* → *молоко*. Сочетание *el* изменилось в *оло* в связи с отвердением [л], но в некоторых словах сочетание *ело* сохранилось: *шелом*, *ошеломить*.

В старославянском (южнославянском) языке сочетания *or*, *ol*, *er*, *el* изменились соответственно в *ра*, *ла*, *р*ѣ, *л*ѣ, так как долгота слога сосредотачивалась на гласном звуке, и он изменился: *о* → *а*, *е* → ѣ, а затем в результате действия закона открытого слога гласный и плавный поменялись местами. Ср.: *борда* → *брада*, *голва* → *глава*, *берг* → *брѣг*, *мелко* → *млѣко*.

Ср.: нем. *Berg* «гора» – др.-рус. *берегъ* – ст.-слав. *брѣгъ*;
нем. *Garten* «сад» – др.-рус. *городъ* – ст.-слав. *градъ*;
нем. *Milk* «молоко» – др.-рус. *молоко* – ст.-слав. *млѣко*;
нем. *Helm* «шлем» – др.-рус. *шеломъ* – ст.-слав. *шлѣм*;
нем. *Gold* «золото» – др.-рус. *золото* – ст.-слав. *злато*;
нем. *Bart* «борода» – др.-рус. *борода* – ст.-слав. *брада*.

Неполногласные сочетания *ра*, *ла*, *ре*, *ле*, восходящие к древним сочетаниям *or*, *ol*, *er*, *el*, пришли на Русь вместе с принятием христианства и сосуществовали наряду с русскими сочетаниями *оро*, *оло*, *ере*, *ело*. Однако в результате омонимического отталкивания один из вариантов утратился, ср.: *брѣмя – беремя*, *врѣмя – веремя*, *врѣдъ – вередъ*, *колодьць – кладезь*, *молоко – млѣко*. Как правило, среди таких пар слово с отвлеченным значением или высокой стилистической окраской сохраняло старославянский вариант с неполногласием: *брѣмя*, *врѣмя*, *врѣдъ*. Русский вариант с полногласием обычно сохранялся у слов, обозначающих бытовые реалии: *колодьць*, *молоко* [Кандаурова Т.Н. 1968: с. 140–153].

Однако в современном русском языке находится достаточно большое количество слов, слов-вариантов или однокоренных слов с полногласием и неполногласием:

голова – глава,
дерево – древесина,
молоко – млечный,
сторож – страж,
ворота – вратарь,
золотой – златой,
молодость – младость,
краткий – короткий.

В современном русском языке чередования *оро*, *оло*, *ере*, *ело* // *ра*, *ла*, *ре*, *ле* имеют различные функции:

1) служат словообразовательным средством: *город – Волгоград*;

2) способствуют семантическим различиям: *голова – глава*; *горожанин – гражданин*; *сторона – страна*;

3) отличаются стилистической окраской: *волосы – власы*, *голос – глас*.

Полногласные и неполногласные сочетания нужно отличать от исконных сочетаний плавного с гласным типа *ра*, *ла*, *ре*, *ле* и от случайных сочетаний (*красный*, *плакать*, *трава*, *грех*, *половодье*, *грамота*, *дрель*, *положить*, *половина*, *порох*). Проверить отсутствие или наличие полногласия можно по отсутствию слов-вариантов с полногласным или неполногласным сочетанием. Например, слово *вредитель* имеет неполногласное сочетание *ре*, так как в русском языке есть слово *привередливый* с полногласным сочетанием *ере* в корне с тем же значением.

После падения редуцированных и изменения сильных редуцированных в гласные полного образования появились сочетания *ор*, *ол*, *ер*: *кърмъ* → *корм*, *вьрхъ* → *верх*, *вълна* →*волна*, *чьлнъ* →*челн*, что привело к возникновению второго полногласия преимущественно в северо-западных говорах: *коро*м, *волок*, *верех*, *волона*. Результаты второго полногласия не отразились в русском литературном языке, сохранившись только в словах *верёвка* (из *вьрвь*), *сумеречный* (из *сумьрки*), *бестолочь* (из *тълкъ*), *остолоп* (из *стълпъ*).

Чередования *оро, оло, ере* // *ор, ол, ер, ел* (*пороть – порю*, *уколоть – уколю*) объясняется отсутствием изменений сочетаний гласных с плавными согласными *or*, *ol*, *er*, *el* в середине слова, так как после них шел гласный. Ср. также:

молоть – мелет,
запереть – запер,
бороться – борюсь,
прополоть – прополю.

Чередование *ере* // *р* (*тереть – тру*, *умереть – умру*) объясняется наличием сочетания редуцированного с плавным *ьр*. После утраты редуцированных в XII веке эти чередования получили современный вид:

запереть – запру,
подтереть – подотру,
замереть – замрёт,
вытереть – вытру.

Чередования *ра, ла* // *ро, ло* (*равный – ровный*, *ладья – лодка*) объясняется наличием в общеславянский период сочетаний гласных с плавными согласными *or*, *ol* перед согласным в начале слова, которые в общеславянский период под восходящей интонацией изменились у всех славян в *ра*, *ла*. Однако затем в восточнославянском языке эти сочетания под нисходящей интонацией изменились в *ро*, *ло*, а в южнославянском языке сохранились *ра*, *ла*. Таким образом, *ро*, *ло* свидетельствует о русском происхождении, *ра*, *ла* – о старославянском происхождении:

разница – розница,
разлив – розлив,
рассказ – россказни,
растение – рост,

равнина – ровный,
ладья – лодка.

Чередование *е* // *о* в начале слова (*однажды – единственный*) связано с утратой начального [j] перед *е* в восточнославянском языке, тогда как в старославянском языке этот процесс отсутствовал, поэтому начальное *о* является признаком русского языка, начальное *е* – старославянского языка: *один – единица*, *олень – елень*, *осень – Есенин*.

Чередования *о* // ноль звука; *е* // ноль звука (*собрать – сбор*, *меня – мне*, *дно – бездонный*, *вкусен – вкусно*) связаны с наличием в древнерусском языке редуцированных гласных ъ (ер) и ь (ерь), которые находились в сильной и слабой позиции. В XII веке слабые редуцированные исчезли, а сильные изменились в гласные полного образования: ъ → *о*, ь → *е*. Так возникли чередования, наиболее активно представленные в современном русском языке. Например:

день – дня,
пень – пня,
темень – тьма,
пришёл – пришла,
зову – звать,
сон – сна,
кусок – куска,
силён – сильна.

Чередование *и* // ноль звука (*лить – льёт*, *бить – бьёт*, *Мария – Марья*, *собрание – собранье*) связано с наличием в древнерусском языке редуцированного *и*, который в слабой позиции утратился. Данное чередование широко представлено в словах с односложным корнем: *вить – вьёт*, *шить – шьёт*, *пить – пьёт*.

Произношение *-ия*, *-ие* на конце существительных долгое время поддерживалось церковно-славянской и книжной традицией, поэтому чередование *-ия* // *ья*, *-ие* // *-ье* сохраняется и в настоящее время, при этом формы на *-ье* носят разговорный оттенок, формы на *-ья* свойственны некоторым русским именам:

житие – житьё,
участие – участье,
известие – известье,
объятия – объятья,
крещение – крещенье,

Наталия – Наталья,
Дария – Дарья.

Чередование *ы* // *о* (*мыть – мою*) связано с наличием в древнерусском языке редуцированного *ы*, который в сильной позиции изменился в гласный [о]. Данное чередование широко представлено в словах с односложным корнем:

крыть – кроет,
выть – воет,
рыть – роет,
ныть – ноет.

Чередование *е* // *ё* (*стекло – стёкла*, *везли – вёз*) связано с переходом *е* в *о* после мягких согласных перед твердыми, который проходил в древнерусском и старорусском языке с XII до XV века.

Переход *е* в *о* наблюдался под ударением после мягкого согласного перед твердым согласным или на конце слова, поэтому в однокоренных словах или в формах одного и того же слова в безударном положении наблюдается [е], а под ударением [‘о] (ё), например:

медовый – мёд,
метла – мёл,
село – сёла,
тепло – тёплый.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЧЕРЕДОВАНИЯ СОГЛАСНЫХ ЗВУКОВ РУССКОГО ЯЗЫКА

Исторические чередования в области согласных связаны с палатализацией заднеязычных согласных, изменением твердого согласного перед [j], упрощением групп согласных, диссимиляцией согласных [Кузнецов П.С. 1952: с. 60–87].

Палатализация согласных

Чередование *г* // *ж*; *к* // *ч*; *х* // *ш* (*могу – можешь*, *пеку – печёт*, *пастух – пастушка*) связано с **первой палатализацией** заднеязычных согласных, которая была вызвана законом слогового сингармонизма, т. е. требованием располагать звуки в слоге по принципу однородности артикуляции (произношения).

Заднеязычные согласные [г], [к], [х] были исконно твердыми и не могли сочетаться с гласными переднего ряда [е], [и], [ь], [ѣ], [ѧ], перед ними заднеязычные заменялись мягкими переднеязычными согласными [ж], [ч], [ш]. Так возникло чередование *г* // *ж*, *к* // *ч*, *х* // *ш*, широко представленное в современном русском языке:

бег – бежать, *пробежка*,
друг – дружить, *дружный*,
слух – слушать, *послушный*,
сухой – сушить, *сушка*,
рука – ручной, *ручка*,
река – речной, *реченька*.

Гласный [ѣ], восходящий к [ē], влияя на заднеязычный согласный, сам изменялся в [а] после шипящих *ж*, *ш*, *щ* и согласного *ч*: *велик – величайший*, *умолкнуть – молчать*.

Первая палатализация заднеязычных согласных наступала перед гласными переднего ряда в следующих формах:

1. Перед [ѣ] (в совр. рус. яз. – [а] после шипящих и *ч*):

а) в инфинитивах: *дрожать*, *кричать*, *дышать*, *молчать*;

б) в прошедшем времени этих глаголов: *дрожал*, *кричал*, *дышал*, *молчал*;

в) в причастиях прошедшего времени этих глаголов: *дрожавший*, *кричавший*, *дышавший*, *молчавший*;

г) в существительных, образованных от этих глаголов: *дрожание*, *молчание*.

2. Перед [ѧ] (в совр. рус. яз. – [а] после шипящих и *ч*):

а) в 3-м лице множественного числа настоящего (простого будущего) времени глаголов: *дрожат*, *кричат*, *дышат*, *молчат*;

б) в действительных причастиях настоящего времени: *дрожащий*, *кричащий*, *дышащий*, *молчащий*;

в) в деепричастиях несовершенного вида: *дрожа*, *крича*, *дыша*, *молча*;

г) в прилагательных типа *лежачий*, *стоячий*, *горючий*, *горячий*, *гремучий*, *трескучий*.

3. Перед [ь] (в совр. рус. яз. – беглый *е* или *о*) в древних суффиксах *-ьн-*, *-ьк-*: *влажный – влажен*, *скучный – скучен*, *замашка – замашек*, *замочка – замочек*, *точка – точек*, *бережок – бережка*, *пушок – пушка*, *пучок – пучка*.

4. Перед [е], [и]:

а) в инфинитивах: *дружить*, *мочить*, *сушить*;

б) в формах 2-го, 3-го лица единственного числа: *дружишь*, *дружит*, *мочишь*, *мочит*, *сушишь*, *сушит*;

в) в формах 1-го, 2-го лица множественного числа: *дружим*, *дружите*, *мочим*, *мочите*, *сушим*, *сушите*;

г) в звательной форме: *боже*.

Чередование *г* // *з*; *к* // *ц* (*друг – друзья*, *княгиня – князь*, *воскликнуть – восклицание*) связано с **второй и третьей палатализацией** заднеязычных согласных.

Вторая палатализация заднеязычных согласных наступала перед гласными переднего ряда [ѣ], [и] из дифтонгов *ai*, *oi*, перед которыми [г], [к], [х] изменялись в [з], [ц], [с]. Она отражалась в системе склонения существительных (*рука – в руцѣ*, *нога – о нозѣ*, *муха – о мусѣ*) и в образовании формы повелительного наклонения (*пеку – пеци*, *помогу – помозёте*). В результате действия грамматической аналогии вторая палатализация не сохранилась в русском языке, кроме слов *звезда*, *цвет*, *цветы*, *вкратце*, *цена*, *друзья*.

Третья палатализация заднеязычных согласных наступала в положении [г], [к], [х] после гласных переднего ряда [и], [ь], [ѧ], сочетания *-ьр-*, если дальше не было [ъ], [ы] или согласного. При этом заднеязычные изменялись в [з], [ц], [с]. Результаты палатализации представлены в суффиксах современного русского языка *-ец-* (из *-ьк-*), *-иц-* (из *-ик-*):

отец, *молодец*, *купец*, *борец*, *овца (овец)*,

синица, *голубица*, *водица*, *девица*.

Этим объясняется чередование в суффиксах *ик // иц*; *ник // ниц*; *щик // щиц*; *чик // чиц*, например: *ученик – ученица*, *участник – участница*, *сменщик – сменщица*, *попутчик – попутчица*.

В результате третьей палатализации в современном русском языке имеется чередование *г // з*, *к // ц* в словах *восклицание – воскликнуть*, *мерцание – меркнуть*, *князь – княгиня*, *витязь – викинг*, *польза – льгота*, *лицо – лик*.

Чередование *х // с* по второй и третьей палатализации в современном русском языке не представлено.

Изменение согласных перед j (йотом)

Значительные изменения произошли в области согласных под влиянием последующего [j] (йота), который смягчал предшествующий твердый согласный и изменял его качество (табл. 4). Так возникли следующие **чередования согласных под влиянием *j*:**

***д* // *ж* // *жд*:** *ходить – хожу – хождение*;
водить – вожу – вождение.

д + *j* в др.-рус. яз. → *ж*: *судить – сужу*;

д + *j* в ст.-слав. яз. → *жд*: *судить – суждать*.

Таким образом, *ж* – признак русского происхождения, *жд* – признак старославянского происхождения.

***т* // *ч* // *щ*:** *свет – свеча – освещение*;
поворот – поворачивать – вращение.

т + *j* в др.-рус. яз. → *ч*: *короткий – укорочу*;

т + *j* в ст.-слав. яз. → *щ*: *кроткий – укрощение*.

Таким образом, *ч* – признак русского происхождения, *щ* – признак старославянского происхождения.

***з* // *ж*:** *отрезать – отрежу*;
намазать – намажу.

з + *j* в др.-рус. яз. → *ж*: *грузить – гружу*.

***с* // *ш*:** *косить – кошу*;
носить – ношу.

с + *j* в др.-рус. яз. → *ш*: *откусить – откушу*.

***г* // *ж*:** *лгать – ложь*;
луг – лужа.

г + *j* в др.-рус. яз. → *ж*: *много – умножение*.

***к* // *ч*:** *плакать – плачу*;
крепкий – крепче.

к + *j* в др.-рус. яз. → *ч*: *волк – волчий*.

***х* // *ш*:** *дух – душа*;
порох – пороша.

х + *j* в др.-рус. яз. →*ш*: *тихо – тише*.

***б* // *бл*:** *любить – люблю*,
рубить – рубль.

б + *j* в др.-рус. яз. → *бл*: *погубить – погублю*.

***п* // *пл*:** *купить – куплю*;
вопить – вопль.

п + *j* в др.-рус. яз. → *пл*: *утопить – утопленник*

***в* // *вл*:** *ловить – ловля*;
головастый – голавль.
в + j в др.-рус. яз. → *вл*: *отравить – отравленный.*
***ф* // *фл*:** *разграфить – разграфлю*;
олифить – олифлю.
ф + j в др.-рус. яз. → *фл*: *графить – графлённый.*
***м* // *мл*:** *кормить – кормлю*;
уведомить – уведомлённый.
м + j в др.-рус. яз. → *мл*: *земной – земля.*
***ск* // *щ*:** *плескаться – плещутся*;
искать – ищейка.
ск + j в др.-рус. яз. → *щ*: *полоскать – полощу.*
***ст* // *щ*:** *простить – прощение;*
грустить – грущу.
ст + j в др.-рус. яз. → *щ*: *упустить – упущенный.*
***зд* // *ж'* долгий:** *ездить – езжу* (ж' долгий);
зд + j в др.-рус. яз. → *ж'* долгий: *съездить – поезжай.*
***зг* // *ж'* долгий:** *визг – визжать* (ж' долгий);
зг + j в др.-рус. яз. → *ж'* долгий: *взвизгнуть – завизжать.*

Таблица 4

Формы современного русского языка
с изменением согласного звука под влиянием йота

	Формы	Примеры
1	2	3
1.	Существительные женского рода 1-го склонения мягкого варианта	*стужа (студить, д // ж),* *свеча (свет, т // ч),* *гуща (густой, ст // щ),* *гребля (гребу, б // бл),* *ловля (ловить, в // вл),* *земля (земной, м // мл),* *капля (капать, п // пл),* *туча (диал. тук «жир», к // ч),* *лужа (луг, г // ж),* *пороша (порох, х // ш)*
2.	Существительные мужского рода 2-го склонения мягкого варианта	*рубль (рубить, б // бл),* *голавль (голова, в // вл),* *вопль (вопить, п // пл),* *нож (заноза, з // ж),* *плащ (платок, т // щ),* *прыщ (прыскать, ск // щ),* *ключ (клюка, к // ч),* *ёж (игла, г // ж)*

Продолжение табл. 4

1	2	3
3.	Существительные среднего рода 2-го склонения мягкого варианта	*плечо (сплетение, т // ч), ложе (логовище, г // ж), в суффиксе -ищ(е): пастбище, чудище, страшилище, гульбище*
4.	Отглагольные существительные на *-ение*	*омоложение (омолодить, д // ж), возвращение (возвратить, т // щ), прощение (простить, ст // щ), прощение (просить, с // щ), истребление (истребить, б // бл), лечение (лекарство, к // ч), умножение (много, г // ж), тушение (потухнуть, х // ш)*
5.	Притяжательные прилагательные на *-ий, -ья, -ье*	*медвежий (медведь, д // ж), телячий (теля́та, т // ч), волчий (волк, к // ч), пастуший (пастух, х // ш), вражий (враг, г // ж), Ярославль (Ярослав, в // вл)*
6.	Прилагательные и наречия сравнительной степени	*моложе (молодой, д // ж), круче (крутой, т // ч), уже (узкий, з // ж), краше (красивый, с // ш), проще (простой, ст // щ), дороже (дорогой, г // ж), крепче (крепкий, к // ч), тише (тихо, х // ш)*
7.	Формы наст., прош. буд. времени глаголов 1-го спр. мягкого варианта во всех лицах и числах	*топчу, топчешь, топчет, топчем, топчете, топчут (топтать, т // ч), вяжу, вяжешь, вяжет, вяжем, вяжете, вяжут (вязать, з // ж), пляшу, пляшешь, пляшет, пляшем, пляшете, пляшут (плясать, с // ш), полощу, полощешь, полощет, полощем, полощете, полощут (полоскать, ск // щ), хлещу, хлещешь, хлещет, хлещем, хлещете, хлещут (хлестать, ст // щ), пашу, пашешь, пашет, пашем, пашете, пашут (пахать, х // ш), скачу, скачешь, скачет, скачем, скачете, скачут (скакать, к // ч), колеблю, колеблешь, колеблет, колеблем, колеблете, колеблют (колебать, б // бл), дремлю, дремлешь, дремлет, дремлем, дремлете, дремлют (дремать, м // мл)*

Окончание табл. 4

1	2	3
8.	Формы 2-го л. ед. ч. глаголов 2-го спр. в наст. или прош. буд. времени	вижу (видишь, д // ж), шучу (шутишь, т // ч), возвращу (возвратишь, т // щ), езжу (ездишь, д // ж)
9.	Причастия наст. времени на -ущий от глаголов 1-го спр. мягкого варианта	гложущий (глодать, д // ж), вяжущий (вязать, з // ж), пляшущий (плясать, с // ш), колеблемый (колебать, б // бл)
10.	Прилагательные на -учий, -ючий, -ачий, -ячий	ползучий, колючий, горячий, горючий, дремучий, стоячий, лежачий, живучий, скрипучий, зыбучий, певучий, жгучий, могучий, плакучий, зрячий
11.	Страдательные причастия наст. вр. глаголов 1-го спр. мягкого варианта	колеблемый (колебать, б // бл), приемлемый (принимать, м // мл),
12.	Страдательные причастия прош. вр. от глаголов на -ить	налаженный (наладить, д // ж), испорченный (испортить, т // ч), выпрошенный (выпросить, с // ш), нагромождённый (нагромоздить, з // ж) разгромленный (разгромить, м // мл)
13.	Деепричастия несов. вида от глаголов 1-го спр.	скача (скакать, к // ч), пряча (прятать, т // ч), дремля (дремать, м // мл)
14.	Формы несов. вида глаголов на -ать, -ять при соответствующих формах на -ить	провожать, провожаю, провожал, провожая, провожающий, провожавший – приводить, проводит… (д // ж) Прощать, прощаю, прощал, прощая, прощающий, прощавший – простить, простит… (ст // щ) Утомлять, утомляет, утомлял, утомляя, утомляющий, утомлявший – утомить, утомит… (м // мл)

Чередования согласных, связанные с переходным смягчением перед *j*, выполняют в современном русском языке морфологическую функцию, т. е. служат для образования следующих форм:

1) несовершенного вида глаголов при видовой соотносительности: *проводить – провожать*, *ощутить – ощущать*; *осудить – осуждать*;

2) 1-го лица единственного числа настоящего времени от глаголов 2-го спряжения: *ходить – хожу*, *любить – люблю*; *отпустить – отпущу*;

3) сравнительной степени прилагательных с суффиксом *-е-*: *молодой – моложе*, *дешёвый – дешевле*, *сухой – суше*; а также для образования отглагольных существительных: *капать – капля*, *носить – ноша*, *бродить – брожение* [Павлович А.И. 1977].

Упрощение групп согласных

В результате действия закона открытого слога в одном слоге не могли соединяться определенные сочетания согласных. Если такое соединение происходило, то наблюдалось упрощение групп согласных путем выпадения одного из согласных. Поэтому в современном русском языке наблюдаются чередования согласных с нулем звука в следующих случаях:

тл → л: *плету – плёл*; *приобрету – приобрёл.* Вместо ожидаемых *плетл* (из *плет + л*), *приобретл* (из *приобрет* + л) в результате упрощения *тл* в *л* имеем современные формы *плёл*, *приобрёл*.

дл → л: *веду – вёл*, *студёный – застыл.* Вместо ожидаемых *ведл* (из *вед + л*), *застыдл* (из *застыд + л*) в результате упрощения *дл* в *л* имеем современные формы *вёл*, *застыл.*

дн → н: *увядать – увянуть*; *взгляд – взглянуть.* Вместо ожидаемых *увяднуть* (из *увяд + нуть*), *взгляднуть* (из *взгляд + нуть*) в результате упрощения *дн* в *н* имеем современные формы *увянуть*, *взглянуть.*

тн → н: *свертывать – свернуть.* Вместо ожидаемого *свертнуть* (из *сверт + нуть*) в результате упрощения *тн* в *н* имеем современную форму *свернуть.*

гн → н: *трогать – тронуть*; *тяга – тянуть.* Вместо ожидаемых *трогнуть* (из *трог + нуть*), *тягнуть* (из *тяг + нуть*) в результате упрощения *гн* в *н* имеем современные формы *тронуть*, *тянуть.*

кн → н: *плеск – плеснуть*; *треск – треснуть.* Вместо ожидаемых *плескнуть* (из *плеск + нуть*), *трескнуть* (из *треск + нуть*) в результате упрощения *кн* в *н* имеем современные формы *плеснуть*, *треснуть.*

бн → н: *сгибать – согнуть.* Вместо ожидаемого *согбнуть* (из *согб + нуть*) в результате упрощения *бн* в *н* имеем современную форму *согнуть*.

пн → н: *спать – сны*, *липнуть – льнуть*. Вместо ожидаемых *снпать* (из *сн + пать*), *льпнуть* (из *льп + нуть*) в результате упрощения *пн* в *н* имеем современные формы *спать*, *льнуть.*

мн → н: *темень – тень.* Вместо ожидаемого *тенмень* (из *тен + мень*) в результате упрощения *мн* в *н* имеем современную форму *тень*.

дм → м: *плодиться – племя.* Вместо ожидаемого *пледмя* (из *плед + мя*) в результате упрощения *дм* в *м* имеем современную форму *племя.*

тм → м: *вертеть – время.* Вместо ожидаемого *вретмя* (из *врет + мя*, где *ре* по происхождению из *er* в старославянском языке) в результате упрощения *тм* в *м* имеем современную форму *время*.

бв → б: *наволочка – оболочка, завидовать – обида.* Вместо ожидаемых *обволочка* (из *об + волочка*), *обвида* (из *об + вида*) в результате упрощения *бв* в *б* имеем современные формы *оболочка*, *обида.*

нш → ш: *ремень – ремешок, гармонь – гармошка, олень – олешек.* Вместо ожидаемых *ременшок* (из *ремень + шок*), *гармоншка* (из *гармонь + шка*), *оленшек* (из *олень + шек*) в результате упрощения *нш* в *ш* имеем современные формы *ремешок*, *гармошка*, *олешек.*

гт' → ч: *могу – мочь, стерегу – стеречь.* Вместо ожидаемых *могть* (из *мог + ть*), *стерегть* (из *стерег + ть*) в результате упрощения *гт'* в *ч* имеем современные формы *мчь*, *стеречь*.

кт' → ч: *пеку – печь, волоку – волочь.* Вместо ожидаемых *пекть* (из *пек + ть*), *волокть* (из *волок + ть*) в результате упрощения *кт'* в *ч* имеем современные формы *печь*, *волочь.*

Диссимиляция согласных

В результате действия закона открытого слога в одном слоге не могли соединяться определенные сочетания согласных. Если такое соединение происходило, то наблюдалась диссимиляция близких по артикуляции согласных путем изменения предшествующего согласного в звук [с]. Поэтому в современном русском языке наблюдаются чередования согласных [д], [т], [б] с согласным [с] в следующих случаях:

дл → сл: *пряду – прясло* (изгородь из длинных жердей). Вместо ожидаемого *прядло* (из *пряд + ло*) в результате диссимиляции *дл* в *сл* имеем современную форму *прясло*.

тл → сл: *считать – число*. Вместо ожидаемого *читло* (из *чит + ло*) в результате диссимиляции *тл* в *сл* имеем современную форму *число*.

дт → ст: *сладости – сласти*. Вместо ожидаемого *сладти* (из *слад* + *ти*) в результате диссимиляции *дт* в *ст* имеем современную форму *сласти*.

тт → ст: *приобретать – приобрести*. Вместо ожидаемого *приобретти* (из *приобрет* + *ти*) в результате диссимиляции *тт* в *ст* имеем современную форму *приобрести*.

бт → ст: *гребу – грести*. Вместо ожидаемого *гребти* (из *греб* + *ти*) в результате диссимиляции *бт* в *ст* имеем современную форму *грести*.

СЛЕДСТВИЯ УТРАТЫ РЕДУЦИРОВАННЫХ В ОБЛАСТИ ГЛАСНЫХ И СОГЛАСНЫХ ЗВУКОВ

Во второй половине XII – первой половине XIII века происходит процесс утраты редуцированных и замена сильных редуцированных гласными полного образования: *ь*, *и* изменились в *е*; *ъ*, *ы* изменились в *о*. Например: *дно*, *сна*, *шея*, *мою* из *дьно*, *съна*, *шия*, *мыю*.

Утрата редуцированных изменила всю фонетическую систему русского языка и отразилась на морфологическом строе русского языка.

Утрата редуцированных отразилась на **строении слога**. Так, до падения редуцированных слоги могли быть только открытыми, после падения редуцированных сократилось количество слогов на число исчезнувших редуцированных и стало возможным появление закрытых слогов: *тьмьно* (3 слога) → *темно* (2 слога), *правьда* (3 слога) → *правда* (2 слога).

Не стало слогового сингармонизма в пределах одного слога, т. е. стали возможны сочетания звуков различной артикуляции: *лёвъ* → *льва* [*л'ва*].

Появились **односложные слова:** *дом*, *стол*, *тень*, *день*, *сад*.

Утрата редуцированных обусловила **появление новых морфем:**

1) нулевого окончания, в результате грамматическая форма стала совпадать с чистой основой (основа = форма слова): *сон*, *день*. Отсутствие звуком выраженного окончания, т. е. нулевое окончание, явилось показателем грамматической формы именительного падежа;

2) нулевого суффикса прошедшего времени *-л-*, так как появились формы прошедшего времени мужского рода (*вёз*, *пёк*, *нёс*) с невыраженным суффиксом при наличии этого суффикса в других родовых форма глагола (*везла*, *несла*, *пекла*);

3) морфемы из одного согласного, например: инфинитив на *-ти* изменился в [т’] в безударном положении (*писа-ти* → *писа-ть*, *носи-ти* → *носи-ть*); суффикс *-ьн-* изменился в *-н-* (*мрач-ьн-ыи* → *мрач-н-ый*); суффиксы *-ьк-*, *-ък-* изменились в *-к-* (*ноч-ьк-а* → *ноч-к-а*, *сказ-ък-а* → *сказ-к-а*).

В результате утраты редуцированных произошли значительные изменения в системе гласных звуков, в частности, возникла **беглость гласных.** Она появилась в силу того, что редуцированные в разных формах одного и того же слова могли быть то в сильной, то в слабой позиции, поэтому они или изменялись в гласные полного образования *о*, *е*, или исчезали. Это привело к чередованию на русской почве *е* // ноль звука, *о* // ноль звука. Например: *съ ́нъ* → *сон*; *съ́на* → *сна*; *дь ́нь* → *день*; *дьня* → *дня*.

Беглость гласных наблюдается не только в корне, но и в суффиксах, приставках, предлогах. Например:

-ьц- → *-ец-* // *-ц-*: *молодьцъ* → *молодец*; *молодьца* → *молодца*;
-ък- → *-ок-* // *-к-*: *узъкъ* → *узок*; *узъка* → *узка*;
-ьн- → *ен* // *-н-*: *страшьнъ* → *страшен*; *страшьна* → *страшна*;
подъ- → *подо-* // *под-*: *подъбьрати* → *подобрать*;
подъбирати → *подбирать*;
съ- → *со-* // *с-*: *събьрати* → *собрать*; *събъръ* → *сбор*;
къ (предлог) → *к* // *ко*: *къ мънѣ* → *ко мне*; *къ тебѣ* → *к тебе*.

С течением времени фонетически возникшие чередования получают грамматическое значение, например:

– падежное значение: *платок* (им. п.) – *платка* (род. п.)
– значение рода: *низок* (муж. род) – *низка* (жен. род).

О морфологизации этого процесса говорит то, что в новых словах современного русского языка независимо от времени появления наблюдается беглость гласных, хотя редуцированного там никогда не было. Например: *шпаргалка* – *шпаргалок*, *доброволец* – *добровольца*.

Явление беглости гласных осложнялось явлением грамматической аналогии, в результате которой возникла заместительная

и подражательная беглость гласных [Кандаурова Т.Н. 1968: с. 140–153].

Подражательная беглость гласных заключается в том, что беглость возникает на месте исконных *о*, *е* в подражание словам, где *о*, *е* из редуцированных. Так, в словах *ровъ*, *лёдъ* никогда не было редуцированных в корне, однако в результате подражательной беглости возникли современные формы *рва*, *во рву*, *рвом*, *льда*, *на льду*, *льдом.*

Такой же подражательный характер носит беглость в существительных древнерусского пятого склонения с основой на *-н*: *ремень – ремня*, *корень – корня*, *камень – камня.*

Заместительная беглость гласных заключается в том, что беглость появляется в словах, где раньше вообще не было никакого гласного. Гласный появлялся перед следующим слогом со слабым редуцированным в положении между согласными, особенно часто перед плавными [р], [л]. Так, в словах *угль*, *огнь*, *вихрь*, *вѣтръ* в положении между согласными никогда не было никакого гласного, однако в результате заместительной беглости, т. е. взамен как бы утраченного редуцированного, появился гласный: *уголь*, *огонь*, *вихорь*, *ветер*, хотя в косвенных падежах заместительная беглость не развилась: *угля*, *огня*, *вихря*, *ветра.*

Заместительная беглость гласных усвоена формой родительного падежа множественного числа существительных 1-го склонения на *-а (-я)*: *земля – земель* (из *земль*), *сестра – сестёр* (из *сестръ*).

В результате падения редуцированных развилось, а затем утратилось второе полногласие, сохранившееся в словах *верёвка*, *суме<u>ре</u>чный*, *бесто<u>ло</u>чь*, *осто<u>ло</u>п.*

В результате утраты редуцированных произошли значительные **изменения в системе согласных звуков**.

1) появились **новые, ранее невозможные сочетания согласных:**

– долгие согласные на стыке морфем:

ру<u>сьс</u>кий → ру<u>сс</u>кий,

ра<u>зъс</u>сказъ → ра<u>сс</u>казъ;

– группы согласных, утратившиеся ранее из-за закона открытого слога или под влиянием *j*:

дн, *тн*: *лё<u>тьн</u>ии → ле<u>тн</u>ий*, *ла<u>дьн</u>о → ла<u>дн</u>о*;

бн, *пн*: *хлё<u>бьн</u>ии → хле<u>бн</u>ый*, *<u>пьн</u>и →<u>пн</u>и*;

дл, *тл*: *сёдьло* → *седло*, *метьла* → *метла*;

гт', *кт'*: *ногъти* → *ногти*, *когъти* → *когти*;

бт, *пт*: *обътирати* → *обтирать*, *копътити* → *коптить*;

жд: *три шьды* (числ. + прич.) → *трижды*.

2) стали возможны **сочетания звуков** *ор*, *ол*, *ер*, *ел* в положении между согласными: *горъка* → *горка*, *сорьныи* → *сорный*, *семерька* → *семёрка*.

3) появились **сочетания согласных с последующим** *j*:

сватия → *сватья*; *судия* → *судья*; *выпию* → *выпью*.

4) **упростились сочетания групп согласных** из-за неудобного произношения:

истьба → *изба*: сочетание *стьб* утратило звук [т'], а затем в результате ассимиляции по звонкости [с] → [з];

Пльсковъ → *Псков*: сочетание *пльс* утратило звук [л'];

стьга «дорога, тропа» → *зга (не видно ни зги)*: сочетание *стьг* утратило звук [т'], а затем в результате ассимиляции по звонкости [с] перешло в [з];

чьстныи, *грустьныи*, *поздьныи* → *[чесный]*, *[грусный]*, *[поз'н'ий]*: сочетания *стьн*, *здьн* → *сн*, *зн*, но по морфологическому принципу написания сохраняется правописание этих слов с непроизносимыми согласными: *честный*, *грустный*, *поздний*.

Если сочетание согласных оказывалось на конце слова, то утрачивался конечный согласный: *неслъ* → *нёс*, *везлъ* → *вёз*, *пеклъ* → *пёк*.

В существительных *рубль*, *журавль*, *корабль* [л] не утратился в силу действия закона грамматической аналогии, т. е. под воздействием косвенных падежей: *рубля*, *журавля*, *корабля*. В просторечии встречается форма *рубь – ру[п*]*.

5) наблюдается **ассимиляция** согласных:

а) по глухости – звонкости: *лодъка – ло[т]ка*, *ложька – ло[ш] ка*, *бъчела – пчела*, *съдоровъ – здоров*, *сватьба – свадьба*.

На письме это явление отразилось лишь в некоторых словах: *здесь*, *здоровье*, *здравствуй(те)*, *здание*, а также в правописании приставки *рас-* / *раз-* перед глухими и звонкими согласными: *расходы – разбежаться*.

б) по твердости – мягкости: *правьда – правда* ([в'] → [в]); *тьмьныи* → *тёмный* ([м'] → [м]); *съними́ти* → *снимать* ([с] → [с']); *дъвѣ* → *две* ([д] → [д']); *сътирати* → *стирать* ([с] → [с']).

Установилась мягкость переднеязычных согласных перед мягкими переднеязычными и губными, мягкость губных согласных перед мягкими губными.

Не произошло отвердение согласного [л] перед твердыми согласными: *больной*, *довольно* и др.

в) ассимиляция по способу образования: *съ шумъмь → [шш] умом*; *изъ шерсти → и[шш]ерсти*; *с желаниьмь → [жж]еланием*; *изъ железа → и[жж]елеза.*

6) происходит **оглушение** конечного звонкого согласного: *садъ → са[т]*; *зубъ → зу[п]*; *суд → су[т]*.

7) наблюдается **отвердение губных** на конце слова в определенных грамматических формах:

– в творительном падеже единственного числа мужского и среднего родов: *столъмь – столом* [м‘] → [м];

сынъмь – сыном [м‘] → [м];

– творительном и предложном падежах существительных и прилагательных мужского и среднего родов единственного числа: *имь – им* [м‘]→[м]; *краснымь – красным* [м‘]→[м].

8) появляется **звук [ф]** на русской почве в связи с ассимиляцией по глухости звука [в] или его оглушение на конце слова: *кровь – кро[ф’]*; *уловька – уло[ф]ка.*

9) происходит **диссимиляция** в области согласных: *чьто – [ш]то*; *коньчьно – коне[ш]но*; *скучьныи – ску[ш]ный.*

10) развивается **соотносительность по глухости – звонкости, твердости – мягкости согласных.**

До утраты редуцированных мягкость согласных была позиционно обусловлена. После падения редуцированных эта позиционная обусловленность не является обязательной. Так, различие в значениях слов *шесть – шестъ* создавалось за счет конечных редуцированных, после падения редуцированных различие значений стало создаваться за счет конечных твердых или мягких согласных, ср.: *кон – конь*, *угол – уголь*, *ос – ось*, *мед – медь.*

Соотносительность твердых и мягких согласных в конце слова установилась приблизительно с XIII века. После образования мягкости согласных в конце слова произошло оглушение звонких согласных: *кладь – кла[т’]*; *изморозь – изморо[с’]* [Собинникова В.И. 1984].

Таким образом, утрата редуцированных оказала большое влияние на развитие фонетической и фонематической системы русского языка.

ПЕРЕХОД *Е* В *О* ПОСЛЕ МЯГКИХ СОГЛАСНЫХ ПЕРЕД ТВЕРДЫМИ

В процессе исторического развития наблюдается несколько видов перехода *е* в *о*.

Первый, древнейший переход *е* в *о* произошел в общеславянскую эпоху и свойственен всем славянским языкам. Он связан с отвердением *л* в положении не перед гласным переднего ряда. Гласные [е] и [ь] испытывали воздействие последующего согласного звука, в результате чего язык при произношении отодвигался назад и *е* перешел в *о*, *ь* – в *ъ*. Поэтому в древнерусском и современном русском языке имеем не *мелеко*, *велк*, а *молоко*, *волк*.

В более позднюю, восточнославянскую эпоху наблюдается переход *е* в *о* в начале слова: *елень*, *есень* изменились в *олень*, *осень*. Этому переходу предшествовала утрата начального *j*, так как начальный гласный перед следующим слогом с гласным переднего ряда [е] или [и] подвергался диссимиляции.

Переход *е* в *о* отсутствует:

1) в многосложных словах с ударением на 3-м слоге: *ежевика*, *ерепениться*;

2) перед следующим слогом с редуцированным переднего ряда: *ель*.

В XIII–XIV веках наблюдается переход *е* в *о* после мягких согласных перед твердыми в середине и в конце слова.

В русском литературном языке переход *е* в *о* наблюдается при наличии одновременно двух обязательных условий:

1) в положении под ударением;

2) перед следующим твердым согласным или на конце слова. Например: *село – сёла*; *сестра – сёстры*; *везла – вёз*; *слеза – слёзы*; *бельё*; *овёс*, *орёл*, *несёт*.

До XV века изменение *е* в *о* было живой закономерностью языка, так как согласные в древнерусском языке произносились лабиализованно, т. е. с участием губ. Лабиализация передавалась гласному звуку, и *е* изменялось в *о* в положении перед твердым согласным.

Переход *е* в *о* на конце слова не был фонетическим процессом, он возник в результате грамматической аналогии тех форм, где ударный гласный *о* находился после твердого согласного, например:

– в существительных *бельё*, *плечо* и др. (из *белье*, *плече*) переход *е* в *о* происходил по аналогии с формами *село*, *весло*;

– в существительных *на берёзе*, *о мёде*, *на подъёме* и др. переход *е* в *о* происходил по аналогии с формами *берёза*, *берёзу*, *мёда*, *мёдом*, *подъём*, *подъёма*;

– в существительных *тётя*, *щёчка* и др. переход *е* в *о* происходил по аналогии с формами *тётка*, *щёк*;

– в прилагательном *зелёненький* переход *е* в *о* происходил по аналогии с формой *зелёный*;

– в местоимениях *моё*, *твоё* и др. переход *е* в *о* происходил по аналогии с формами *то*, *оно*, *само*;

– в глаголах *идёте*, *несёте* и др. переход *е* в *о* происходил по аналогии с формами *идёт*, *идём*, *несёт*, *несём*;

– в наречиях *хорошо*, *свежо* переход *е* в *о* происходил по аналогии с формами *тепло*, *светло*.

В настоящее время переход *е* в *о* утратил фонетический характер и сохраняется по традиции.

Переход *е* в *о* отсутствует в следующих случаях:

1) *е* на месте ѣ (ять), так как [ѣ] был особый звук:

лес (из *лѣсъ*), *лето* (из *лѣто*), *хлеб* (из *хлѣбъ*).

Исключение по грамматической аналогии:

звѣзда – звёзды по аналогии с *пчела – пчёлы*;

вѣдро – вёдра, *гнѣздо – гнёзда* по аналогии с *село – сёла*.

2) перед *ц*, так как *ц* отвердел только к концу XV века: *стрелец*, *делец*, *отец*.

3) слово заимствовано из старославянского или церковнославянского языка: *перст*, *крест*, *бытие*, *главенство*, *небо*, *совершенный*. Но в словах церковнославянского происхождения в русской огласке переход *е* в *о* наблюдается, ср.: *напёрсток*, *нёбо*, *крёстная*.

4) слово заимствовано после XIV века: *браслет*, *газета*, *анкета*, *паркет*, *концерт*, *конверт*, *профессор*, *фанера*, *монета*.

5) перед согласным *ж*, *ш* переход *е* в *о* носит двоякий характер. Отсутствие перехода *е* в о вызвано:

а) церковно-книжным происхождением слова; б) диалектным происхождением слова с поздним отвердением шипящих: *чешет*, *брешет*.

6) перед отвердевшими согласными в результате книжного характера слова или позднего отвердения согласного: *мятеж*, *одежда*, *смежный*;

7) *ер* на месте *ьр* носит двоякий характер: *верх*, *первый*, *шерсть*, *четверг*. Но: *чёрный*, *шёрстка*, *твёрдый*, *зёрна*, *мёрзнуть*.

8) в частицах или приставках: *нехотя*, *бестолочь*, *некому*.

9) перед суффиксами *-ьн-*, *-ьск-*: *женский*, *деревенский*, *полезный*, *учебный*.

Способ передачи изменения *е* в *о* после мягкого согласного вначале не был выработан. Звук [‘о] передавался буквой *о* без обозначения мягкости согласного или сочетанием букв *ео*, *ьо*. С XVII–XVIII века используются буквы *ио*, *іо*. Букву *ё* в 1797 году применил Н.М. Карамзин в альманахе «Аониды» вместо бытовавшего в то время *іо*, хотя придумана эта буква была значительно раньше сподвижницей Екатерины II, директором Академии наук и президентом основанной при ее участии Российской Академии Екатериной Романовной Дашковой.

ИСТОРИЯ АКАНЬЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аканье в узком смысле – неразличение *о* и *а* в безударном положении, совпадение их всегда или в части позиций в звуке *а*. Аканье, по наиболее распространенной точке зрения Р.И. Аванесова, возникло во второй половине XII – первой половине XIII века на территории бассейна верхней и средней Оки и междуречья Оки и Сейма, откуда оно позже распространилось на запад, северо-запад и север [Князев 2000: с. 34–39].

Литературный язык характеризуется недиссимилятивным аканьем, при котором *о* и *а* совпадают в первом предударном слоге с гласным *а*: *со´вы*, *тра´вы – с[а]ва´*, *с[а]вы´*, *тр[а]ва´*, *тр[а]вы´*.

В других безударных слогах, кроме первого предударного, *о* и *а* обычно совпадают в звуке [ъ], на слух близкий к среднему звуку между [ы] и [а] – звуку [ыа]: [въдаво´с], [по´ въду], [гълава´], [гълубо´й], [мълако´], [пъл’ива´т’], [хо´лъднъ], [зо´лътъ] и др.

В начале слова вместо *о* всегда употребляется *а*: [агур’э´ц], [аткрыва´т’], [бърада´], [адгаво´ркъ] и др.

Аканье в широком смысле – неразличение гласных фонем неверхнего подъема в безударных слогах – включает и типы такого неразличения после мягких согласных: яканье, иканье, еканье.

Яканье свойственно большинству акающих говоров: это характерная черта говоров всей юго-западной диалектной зоны; оно типично для рязанской, псковской группы говоров и известно говорам Московской, Тульской, Орловской, Тверской областей.

Еканье встречается главным образом в средневеликорусских акающих и окающих говорах. Оно было нормой литературного языка XIX века, но с конца XIX века в литературный язык стало проникать иканье, которое в настоящее время вытеснило еканье.

Иканье – совпадение всех гласных фонем, кроме *у*, в первом предударном слоге после мягких согласных. Ср. под ударением фонемы [и], [о], [э], [а]: [л’и´л], [н’о´с], [р’э´к], [п’а´тый], в первом предударном слоге они совпадают с [и]: [л’ила´], [н’ису´, н’ис’и´], [р’ика´, р’ик’и´], [п’ита´к, п’ит’о´ркъ]. Перед твердыми согласными может произноситься и более открытый звук [и^{э}]: [н’и^{э}су´], [р’и^{э}ка´], [п’и^{э}та´к].

Иканье встречается в говорах с аканьем, главным образом в средневеликорусских. В литературный язык иканье стало проникать в XIX веке и в настоящее время является нормой литературного языка.

С XVII века аканье стало нормой литературного языка. О закреплении аканья в качестве нормы говорил еще М.В. Ломоносов. Хотя литературный язык усвоил акающее произношение, орфография остается окающей, так как основным принципом русской орфографии является морфологический, требующий единообразного написания морфем. Но в некоторых словах аканье отразилось в написании: *калач* (ср. *колесо, около*), *кавычки* (ср. *ковырять*), *касатка* (ср. *косой*), *завтрак* (ср. *утро*), *крапива* (ср. *укроп*), *каракатица* (ср. *окорок*), *баян* (ср. *Боян*), *махровый* (ср. *мох*), *казак* (из *козак*).

Аканье – не общенародное явление в русском национальном языке, так как есть еще окающие говоры. Но отмечается общая тенденция к противопоставлению ударных слогов безударным, и аканье активно распространяется под влиянием всеобщего среднего образования, телевидения, радио, т. е. под воздействием литературного языка.

Часть 2. МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА РУССКОГО ЯЗЫКА В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ

ИСТОРИЯ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Имя существительное – одна из древнейших частей речи в языке, поэтому в ней произошли значительные изменения по сравнению с современным русским языком.

В древнерусском языке, как и в современном русском, насчитывалось 6 падежей, имелась звательная форма и три формы числа: единственное, множественное и двойственное.

Несмотря на то, что количество падежей не изменилось, их название и синтаксическое употребление приобрело ряд отличий. В древнерусском языке имелся местный падеж, главным назначением которого было указание на место действия, при этом он мог употребляться как с предлогом, так и без него, что в современном русском языке невозможно. Новое название падежа – предложный – было введено М.В. Ломоносовым, что свидетельствует об изменении его функции и синтаксического употребления – обязательное предложное управление.

В древнерусском языке имелась звательная форма, главным назначением которой было называние лиц мужского и женского пола единственного числа, к которым обращались с речью, то есть обращение. Эта форма была вытеснена формой именительного падежа, что наблюдается и в современном русском языке [Трахтенберг О.М. 1989]. Однако отдельные звательные формы сохранились, изменившись в междометия: *господи*, *боже.* В современном русском языке в разговорной речи наблюдается появление звательной формы, для чего используется усеченный именительный падеж: *Мам! Пап! Тань!*

С развитием абстрактного мышления в древнерусском языке к XV веку происходит утрата двойственного числа, замена его

на множественное. Двойственное число употреблялось для обозначения парных органов и симметричных частей тела, а затем – двух лиц или предметов и сочеталось с числительными *два* и *оба*. Форма двойственного числа мужского рода при числительных *два*, *оба* переосмыслилась как родительный падеж единственного числа: *два города*. По аналогии форма родительного падежа стала употребляться в существительных среднего и женского рода: *два окна*, *две княгини*.

Двойственное число заменилось множественным, а формы, обозначающие парные органы, стали восприниматься как множественное число: *очи*, *уши*, *колени*, *плечи* (вместо *очеса*, *ушеса*, *колена*, *плеча*).

К остаткам двойственного числа в современном русском языке относятся:

1) окончание *-а* в именительном падеже множественного числа существительных мужского рода 2-го склонения, произошедших из формы именительного-винительного падежа двойственного числа: *бока, глаза, берега*. Сначала это окончание усвоили существительные, обозначающие парные предметы, а затем и другие существительные; ср.: *рукава, края, города, дома, острова*, а позже – *директора, профессора*;

2) окончание *-и* в именительном падеже множественного числа существительных среднего рода 2-го склонения, произошедших из формы именительного падежа двойственного числа: *плечи*, *уши*, *колени*, *очи*;

3) сочетания существительных с числительными *два*, *три*, *четыре*, являющиеся остатками именительного–винительного падежа двойственного числа: *два друга*, *три дома*, *четыре сестры*;

4) первая часть сложных слов *дву-* и *двою-* по происхождению из родительного–местного падежа двойственного числа: *двуглавый*, *двуязычных*, *двоюродный*;

5) наречие *воочию* по происхождению из местного падежа двойственного числа существительного *очи* с предлогом *во*.

В системе склонения развивается новая грамматическая категория – категория одушевленности, выражающаяся в совпадении форм винительного и родительного падежа одушевленных существительных: *встретил отца* (вин. п.) – *нет отца* (род. п.). Первоначально категория одушевленности являлась лексической

категорией, так как начиная с XI века была свойственна существительным, обозначающим полноправных лиц в обществе или семье (*отец*, *князь*, *патриарх*). Она встречалась только в единственном числе существительных 2-го склонения, так как в нем было много собственных имен и существительных, обозначающих полноправных лиц, для которых необходимо разграничить действующее лицо и объект действия. Множественное число существительных мужского рода 2-го склонения до XIV века имело разные формы именительного и винительного падежа и не нуждалось в различии. Современная категория одушевленности сложилась к XVII веку и является грамматической, так как выражается в грамматических падежных формах.

В единственном числе категория одушевленности-неодушевленности ярко выражена у существительных мужского рода (*увидел друга*), во множественном числе у существительных всех трех родов (*любит детей*, *друзей*, *сестер*, но *конфеты*, *розы*).

Категория одушевленности имеет отступления у существительных мужского рода, обозначающих поступление на должность или изменение общественного состояния: *баллотироваться в депутаты*, *президенты*, *выйти в люди*, *пойти в народ*, *произвести в офицеры*, *лейтенанты*.

В склонении существительных произошли значительные изменения: в современном русском языке в основе распределения существительных по склонениям лежит родовая принадлежность и окончание, в древнерусском языке же существительные распределялись по склонениям в зависимости от типа основы. На склонение существительных в древнерусском языке оказали влияние различные процессы: действие закона открытого слога, утрата редуцированных, развитие твердости-мягкости согласных, родовые различия. В результате произошла перегруппировка склонений и закрепились определенные продуктивные типы склонений (табл. 5).

В древнерусском языке к I склонению относились существительные женского и мужского рода с основой на *-а*, *-ја*: *жена*, *вода*, *книга*, *воевода*, *слуга*.

II склонение включало в себя существительные мужского и среднего рода с основой на *-о*, *-јо*: *поле*, *окно*.

К III склонению относились существительные мужского рода с основой на *-ъ*: *домъ*, *столъ*, *садъ*, *полъ*, *волъ*, *сынъ*.

Таблица 5

Перегруппировка типов склонения в древнерусском и современном русском языках

Др.-рус. язык	-а (-ja)	-о (-jo)	-ъ	-ь	-согласный -u (долгое)
	жен. и муж. роды	муж. и ср. роды	муж. род	муж. и жен. роды	муж., ср., жен. роды

Совр. рус. язык	1-е склонение	2-е склонение	3-е склонение	1-е скл-е
	жена, мама, рука, нога, воевода, слуга, земля, молитва, коса	*город, стол, село, поле*	*кость, чернь, ночь, тень*	*+ буква, тыква, Москва*
		+ дом, пол, верх, сын, вол, мех	*+морковь, свекровь, кровь*	
		+ голубь, гость, тесть	*+мать, дочь*	
		+ пахарь, горожанин, учитель		
		+ ремень, корень, олень		
		+ слово, чудо, небо		
		+ телёнок, котёнок, утёнок, цыплёнок, ягнёнок, ребёнок		
Разносклоняемые существительные: – *путь* (из 4-го склонения на -ь), – *имя, время, племя, пламя, знамя, стремя, бремя, семя, вымя, темя* (из 5-го склонения на согласный)				

К IV склонению относились существительные женского и мужского рода с основой на -ь: *ночь*, *кость*, *дверь*, *тень*, *гость*, *дождь*, *голубь*, *лебедь*.

К V склонению в древнерусском языке относились существительные женского, среднего и мужского рода с основой на соглас-

ный и на *-ы*: *мать*, *дочь*, *слово*, *чудо*, *ремень*, *корень*, *пахарь*, *горожанинъ*, *учитель*, *котёнокъ*, *телёнокъ*.

Основной закономерностью в развитии именной системы склонения является тенденция к унификации, то есть объединению различных типов склонения в едином типе в зависимости от рода существительного.

Изменения в 1-м склонении единственного числа существительных

Изменения в системе 1-го склонения связаны с взаимодействием и взаимовлиянием твердого и мягкого вариантов. Влияние твердого варианта на мягкий – основная причина изменения падежных окончаний существительных. Оно наблюдалось в родительном, дательном и местном падеже единственного числа и в именительном, винительном падеже множественного числа. Ср.:

	др.-рус. склонение	соврем. рус. склонение
Род п. ед. ч.	*жен-ы*, *земл-ѣ*	*жен-ы*, *земл-и*
Дат.-местный п. ед. ч.	*жен-ѣ*, *земл-и*	*жен-е*, *земл-е*
Им.-вин. п. мн. ч.	*жен-ы*, *земл-ѣ*	*жён-ы*, *земл-и*

В связи с тенденцией к унификации основная часть существительных в современном русском языке усвоила в дательном и предложном падеже единственного числа окончание твердого варианта *-е* (*к воде*, *на земле*, *в книге*, *о яблоне*); окончание мягкого варианта *-и* сохранилось только в существительных на *-ия* (*к лилии*, *о Марии*, *на лекции*, *в мелодии*).

В творительном падеже единственного числа наблюдаются вариантные окончания *-ой (-ей)* // *-ою (-ею)*, из которых более древним является окончание *-ою (-ею)*. Под влиянием живой разговорной речи формы на *-ою (-ею)* редуцируются и утрачивают конечный гласный [*у*], образуя формы на *-ой (-ей)*: *водой*, *женой*, *травой*, *книгой*, *дорогой*, *пищей*, *каплей*.

Формы на *-ёй* (*землёй*) появились по аналогии с *водой*.

В системе 1-го склонения произошли и фонетические изменения, связанные со следующими процессами:

1. В результате утраты редуцированных в родительном падеже множественного числа появилось нулевое окончание (*жён*□,

трав□, *книг*□, *рук*□) и развивается заместительный беглый гласный (*земль* → *земель*, *сестръ* → *сестёр*).

2. В результате действия грамматической аналогии существительные на заднеязычные согласные *г*, *к*, *х* в дательном и местном падеже утратили изменение в *з*, *ц*, *с* (*руцѣ* → *руке*, *нозѣ* → *ноге*).

3. В результате изменения сочетаний *гы*, *кы*, *хы* в сочетания *ги*, *ки*, *хи* стали возможны современные формы родительного падежа единственного числа (*руки*, *ноги*) и именительного–винительного падежа множественного числа (*руки*, *ноги*).

4. В результате синтаксических изменений во множественном числе развилась категория одушевленности (*вижу сёстры* → *вижу сестёр*).

Изменения во 2-м склонении единственного числа существительных

Наибольшие изменения в падежных окончаниях 2-го склонения объясняются фонетическими изменениями, взаимодействием твердого и мягкого варианта внутри склонения, взаимодействием с другими типами склонений.

В именительном падеже изменения связаны с утратой редуцированных гласных, в результате чего у существительных мужского рода появилось нулевое окончание (*стол-ъ* → *стол*□, *клад-ъ* →*клад*□, *княз-ь* → *князь*□).

В родительном падеже наряду со старым окончанием *-а* (*стола*, *коня*) некоторые существительные под влиянием 3-го склонения с основой на -ъ усвоили окончание *-у*. К ним относятся:

– вещественные существительные, обозначающие напитки, осадки, вещества, ткани, продукты, виды почв, растения, лекарства, стройматериалы: *нет бархату*, *соку*, *снегу*, *песку*, *мусору*, *хворосту*;

– существительные, называющие проявления физических состояний: *много шуму*, *писку*, *грому*, *грохоту*, *жару*, *морозу*, *свету*, *блеску*;

– существительные, обозначающие абстрактные понятия, связанные с деятельностью людей: *много азарту*, *аппетиту*, *гонору*, *опыту*, *пылу*, *таланту*, *шику*, *вздору*, *сраму*, *порядку*, *риску*;

– существительные со значением нерасчлененной множественности: *много народу*, *расходу*, *убытку*, *люду*;

– существительные с уменьшительными суффиксами: *выпить чайку*, *кофейку*, *съесть медку*;

– сочетания с предлогами *из*, *до*, *с*, *без* со значением «удаление»: *из лесу*, *с холоду*;

– сочетания с предлогами *с*, *со* со значением «причина»: *от страху*, *со смеху.*

Формы на *-у (-ю)* обязательны в устойчивых оборотах и сочетаниях наречного типа: *нет износу*, *без году неделя*, *с глазу на глаз*, *для смеху*, *не до жиру*, *без промаху*, *задать перцу*, *нет счёту*, *не давать проходу*, *с боку на бок*, *без году неделя.*

В дательном падеже в современном русском языке сохраняется старое окончание *-у*: *к городу*, *к другу.*

В винительном падеже развивается категория одушевленности, первые примеры которой находим в «Остромировом евангелии» (1056–1057): «*Рабъ господина своего хвалитъ*».

В творительном падеже изменения связаны с утратой редуцированных гласных в конце слова и изменением сильных редуцированных в гласные полного образования [о], [е]. Следствием утраты редуцированного является также отвердение конечного согласного [м] (*столъмь → столом*, *коньмь → конём*, *селъмь → селом*, *польмь → полем*).

В местном падеже изменения связаны с влиянием твердого варианта на мягкий. В связи с тенденцией к унификации основная часть существительных в современном русском языке усвоила в предложном падеже единственного числа окончание твердого варианта *-е* (из ѣ «ятя») (*в городе*, *на поле*, *в доме*, *о коне*); окончание мягкого варианта *-и* сохранилось только в существительных мужского рода на *-ий* (*о жребии*, *на лектории*, *в дендрарии*, *о гении*) и в существительных среднего рода на *-ие* (*в здании*, *о желании*, *на собрании*, *об угнетении*).

В результате действия грамматической аналогии существительные на заднеязычные согласные *г*, *к*, *х* в дательном и местном падеже утратили изменение в *з*, *ц*, *с* (*о друзѣ → о друге*, *о пастусѣ → о пастухе*, *о старицѣ → о старике*).

У существительных мужского рода в предложном падеже единственного числа, наряду с основным окончанием *-е*, наблюдается вариантное окончание *-у (-ю)* в сочетании с предлогами *в*, *на* при обязательном ударном положении в следующих случаях:

– у существительных со значением «пространство как вместилище чего-либо», «поверхность, на которой находится что-либо»: *на берегу*, *в бору*, *на краю*, *в кругу*, *в лесу*, *на лугу*, *на мосту*, *в порту*;

– у существительных, обозначающих вещество, массу: *в жиру*, *в клею*, *в меду*, *в пуху*, *в снегу*;

– у существительных, обозначающих совокупность людей или предметов: *в миру*, *в полку*, *в ряду*, *в строю*;

– у существительных, называющих действия, состояния, периоды времени: *на бегу*, *в бою*, *в бреду*, *на веку*, *в году*, *в долгу*, *на пиру*, *на ходу*.

Ряд слов имеет одновременно формы на *-у (-ю)* и на *-а (-я)*: *на газу – на газе*, *на краю – на крае*, *на свету – на свете*, *в меду – в мёде*, *в ряду – в ряде*.

В сочетаниях наречного типа форма на *-у (-ю)* единственно возможна: *на своём веку*, *на бегу*, *на весу*, *иметь в виду*, *на дому*, *как на духу*, *на счету*, *на скаку*, *на корню*, *праздник на носу*.

Формы на *-у (-ю)* носят нейтральный или разговорный характер, формы на *-е* – оттенок книжности, а иногда и устарелости; ср.: *в аде – в аду*, *в быте – в быту*, *на пире – на пиру*. Форма на *-е* предпочтительна, если перед существительным стоит определение, ср.: *на краю – на переднем крае*, *на жиру – в бараньем жире*, *на газу – на природном газе*, *на пиру – на весёлом пире*.

Существенных изменений в падежных окончаниях существительных **3-го склонения** в процессе исторического развития не произошло. В единственном числе изменения в склонениях существительных завершились к XVI веку [Собинникова В.И. 1984].

Изменения во множественном числе существительных

Формы множественного числа изменялись дольше, чем формы единственного числа. В основных чертах система склонения существительных множественного числа сложилась к концу XVII века, то есть к начальному периоду образования русского национального языка.

В именительном падеже множественного числа существительных мужского рода твердого варианта склонения в современном

русском языке наблюдается пять вариантных окончаний: *-и*, *-ы*, *-а*, *-е*, *-ja* (орфографическое *-ья*).

Форма на *-и*, наиболее древняя, сохранилась в существительных мужского и среднего рода: *черти*, *соседи*, *яблоки*, *домики*. У существительных среднего рода, обозначающих парные предметы (*уши*, *плечи*, *колени*, *очи*), форма на *-и* возникла в результате утраты двойственного числа.

Форма на *-ы* в XIII веке вытеснила более древнюю форму на *-и* под влиянием винительного падежа множественного числа (*столы*, *полы*, *сады*).

Форма на *-а* появляется в XV веке в результате влияния именительного, винительного падежа двойственного числа. Первоначально формы на *-а* имели существительные, обозначающие парные предметы (*берега*, *рукава*, *бока*), а затем они распространились и на другие существительные (*леса*, *острова*, *города*, *дома*, *края*, *вечера*). Распространению форм на *-а (-я)* способствовало влияние существительных с собирательным значением (*братия*, *господа*) и форм именительного, винительного падежа существительных среднего рода (*сёла*, *поля*), которые входили в один тип склонения с существительными мужского рода.

Параллельное употребление форм на *-и (-ы) // -а (-я)* приводит к развитию семантических различий в вариантах слов: *цветы – цвета*, *мехи – меха*, *проводы – провода*, *адресы – адреса*.

Формы на *-е*, восходящие к древним формам именительного падежа множественного числа 5-го склонения с основой на согласный и *-и* долгое, сохранили существительные с суффиксами *-ин-*, *-анин-*, *-янин-*, относящиеся в прошлом к разносклоняемым (*бояре*, *мещане*, *крестьяне*, *славяне*, *словѣне*, *армяне*). Однако ряд существительных этой группы усвоили в современном русском языке окончание 2-го склонения *-ы* (*болгары*, *татары*).

Формы на *-ья* появились под влиянием собирательных существительных, получивших значение множественности (*брати* → *братья*, *листие* → *листья*, *колосие* → *колосья*). По аналогии появились формы именительного падежа множественного числа на *-ья* у существительных *мужья*, *сыновья*, *зятья*, *стулья* и др.

В родительном падеже множественного числа существительных мужского рода твердого варианта склонения в современном русском языке наблюдается три вариантных окончания: *-ов (-ев)*, *-ей*, нулевое.

Формы с нулевым окончанием возникли после утраты редуцированных в следующих группах существительных:

а) существительных, обозначающих парные предметы: *много чулок□*, *валенок□*;

б) существительных, обозначающих меру, вес: *пять аршин□*, *грамм□*;

в) существительных, обозначающих народности: *из башкир□*, *татар□*;

г) существительных, обозначающих военных: *без солдат□*, *партизан□*;

д) существительных с суффиксами *-ин-*, *-анин-*, *-янин-*, обозначащих людей: *много бояр□*, *мещан□*;

е) существительном "*человек*" после числительного: *пять человек□*.

Формы с окончанием *-ов (-ев)* возникли под влиянием существительных 3-го склонения с основой на *-ь* (*-и* краткое). Их усвоили существительные с твердой основой и на *j-*: *столов*, *городов*, *братьев*, *стульев*, *месяцев*, *колодцев*.

Формы с окончанием *-ей* возникли под влиянием существительных 4-го склонения с основой *-ь* (*-i* краткое). Их усвоили существительные с мягкой основой и основой на *ж*, *ш*: *коней*, *ножей*, *шалашей*.

Новые окончания проникли в средний род: *деревьев*, *полей*, *морей*.

В дательном, творительном и предложном падеже множественного числа у существительных всех трех родов и склонений в современном русском языке одинаковые окончания *-ам*, *-ами*, *-ах (-ям*, *-ями*, *-ях)*, которые возникли в результате тенденции к унификации под влиянием окончаний существительных 1-го склонения на *-а (-ja)*. Ср: *книгам*, *городам*, *сёлам*, *тетрадям*; *книгами*, *городами*, *сёлами*, *тетрадями*; *книгах*, *городах*, *сёлах*, *тетрадях*. Старые формы с окончанием *-ьми* сохраняются как вариантные в существительных 3-го склонения: *дочерьми*, *костьми*, *лошадьми*.

ИСТОРИЯ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Прилагательное – древняя часть речи, которая выделилась из имени и первоначально обладала признаками существительного: род, число, падеж.

В общеславянском языке-основе различались краткие (именные) и полные (местоименные) формы прилагательных, при этом более древней является краткая форма, обладавшая морфологическими признаками рода, числа и падежа [Гиппиус А.А. 1993: с. 66–84].

К XI веку краткие прилагательные склонялись: прилагательные мужского и среднего рода изменялись как существительные 2-го склонения с основой на *-о (-jo)* в зависимости от конечного согласного основы по твердому или мягкому варианту (*новъ*, *ново* как *столъ*, *село*; *синь*, *сине* как *конь*, *поле*); прилагательные женского рода изменялись как существительные 1-го склонения с основой на *-а (-ja)* в зависимости от конечного согласного основы по твердому или мягкому варианту (*нова как жена*; *синя как земля*).

Во множественном числе в связи с тенденцией к унификации произошла утрата родовых различий и установилась единая форма на *-ы*, общая для всех трех родов и восходящая к древнерусской форме женского рода, поэтому в современном русском языке имеем *книги новы*, *столы новы*, *села новы* вместо древнерусских *книги новы*, *столи нови*, *села нова*.

Форма множественного числа на *-и* сохранилась в народных говорах. Ср.: *Мать и отец ради приезду дочери. Мы не виновати.*

Употребление форм множественного числа на *-и* встречаем в художественной литературе XIX века, например: *Взять тебя мы все бы ради* (А.С. Пушкин).

В отличие от современного русского языка, в древнерусском языке краткими могли быть относительные прилагательные, что отмечается в «Грамоте Мстислава»: *русску землю*.

Наряду с функцией сказуемого, краткие прилагательные выступали в роли определения, например в «Грамоте Мстислава»: *А се я Всеволодъ далъ есмь блюдо серебрьно*. Однако в XII–XIII веке краткие формы начинают утрачивать склонение (изменение по падежам) и сужают синтаксическую функцию определения, так как вытесняются полными формами.

Первоначально полную форму приобрели относительные прилагательные, как более тесно связанные с предметным, постоянным значением, а потом только качественные прилагательные в связи с дальнейшим отвлечением от предметного значения.

Между краткими и полными формами в древнерусском языке существовала дифференциация значения: краткие формы обозначали

временный, непостоянный признак, свойство, качество предмета, тогда как полные формы называли постоянный, характерный признак предмета. Эти оттенки значения в определенной степени сохранились в современном русском языке. Ср.: в предложении *Отец болен* краткая форма прилагательного указывает на временный признак (*отец заболел*, *но может выздороветь*); в выражении *больной отец* полное прилагательное указывает на постоянный признак (*отец страдает неизлечимым недугом*).

Дифференциация значения обусловила дифференциацию синтаксической функции: краткие формы закрепились за функцией именной части сказуемого, полные формы стали употребляться в предложении в роли определения.

В процессе исторического развития уже к XV веку разграничение в значении кратких и полных форм прилагательных стиралось, что сделало возможным употребление полных форм в роли именной части сказуемого. Ср.: *Море синее*. *Даль светлая*. *Дерево красиво*. *Душа чиста*.

Свойственное древнерусскому языку употребление кратких прилагательных в роли определения сохранилось в фольклоре, пословицах, поговорках (*Взошло красно солнце – прощай светел месяц*) и в некоторых устойчивых словосочетаниях (*на босу ногу*, *по белу свету*, *красна девица*).

В современном русском языке пережиточно сохраняются косвенные падежи кратких прилагательных:

1) в устойчивых сочетаниях: *от мала до велика*, *мал мала меньше*;

2) в наречиях

– с приставками *с-*, *до-*, *из-* и формой родительного падежа: *докрасна*, *снова*, *издавна*,

– с приставками *в-*, *на-*, *за-* и формой винительного падежа: *влево*, *направо*, *замертво* (в наречиях с приставками *из-*, *до-*, *с-*, *в-*, *на-*, *за-* на месте современных суффиксов имеем древние окончания: окончание *-а* – родительного падежа, окончание *-о* – винительного падежа),

– с приставкой *по-* и формой дательного падежа: *попусту*, *попросту*, *подобру-поздорову*,

– с приставкой *в-* и формой местного падежа: *вкратце*, *навеселе*,

– с суффиксом *-ески-*, *-ски-*, *-ки-*: *дружески*, *молодецки*;

3) в сложных словах: *Новгород*, *Белгород*, *Белоозеро*;

4) в пословицах и поговорках, устном народном творчестве: *Жену бить – милу не быть. Быть на свадьбе да не быть пьяну – грешно.*

Обозначая постоянный признак предмета, относительные прилагательные в современном русском языке утратили краткие формы, а качественные прилагательные – сохранили. Ср.: *каменный дом*, *деревянный сарай*, *шелковая нить*, *утренняя роса*; но *красивый – красив*. Однако качественные прилагательные в краткой форме не склоняются и употребляются только как именная часть составного именного сказуемого.

Полные формы прилагательных образовались от кратких путем прибавления в именительном падеже единственного числа местоимений *и* (мужского рода), *я* (женского рода), *е* (среднего рода):

новъ + и = новый; *ново + е = новое*; *нова + я = новая*;

синь + и = синий, *сине + е = синее*, *синя + я = синяя.*

Гласные [ы], [и] в форме мужского рода возникли из редуцированных [ъ], [ь] и сами были редуцированными, поэтому изменились в [о], [е]: [ы] → [о]; [и] → [е]: *молодыи → молодой*, *золотыи → золотой*, *синии → синей*. Такие формы отмечаются уже в XIV веке.

В современном русском языке форма на *-ой* закрепилась только под ударением: *большой*, *чужой*, *густой*, *голубой*. В безударном положении на письме окончания *-ой*, *-ей* заменились старославянскими по происхождению окончаниями *-ыи*, *-ии*: *новыи*, *синии*, *добрыи*, *легкии*. Конечный гласный [и] в полных прилагательных мужского рода редуцировался до звука [й], поэтому в современном русском языке имеем формы на *-ый*, *-ий*, *-ой*: *новый*, *синий*, *добрый*, *легкий*, *дорогой*, *сухой*. Однако в художественной речи можно обнаружить старое окончание с гласным [о] на месте безударного редуцированного [и]: *То жаворонок <u>одинокой</u> поёт над степию широкой* (И.С. Никитин).

Полные прилагательные склонялись как указательные местоимения *и*, *я*, *е*.

Процесс образования полных форм косвенных падежей был затемнен еще в общеславянский период, его можно проследить на материале старославянского языка:

Род. п. ед. ч. прилагательных мужского рода: *добра* + *его* → *добраего* → *добраго* (в результате выпадения [j]) → *добрааго* (в результате уподобления) → *добраго* (в результате стяжения).

Дат. п. ед. ч. прилагательных мужского рода: *добру* + *ему* → *добруему* → *добруэму* (в результате выпадения [j]) → *добрууму* (в результате уподобления) → *добруму* (в результате стяжения).

Тв. п. ед. ч. прилагательных мужского рода: *добромь* + *имь* → *доброимь* (в результате выпадения [мь]) → *добрыимь* (в результате уподобления) → *добрымь* (в результате стяжения).

Все эти формы встречаются в памятниках старославянской письменности. В древнерусском языке процесс затемнения старых окончаний пошел еще дальше. На склонение полных прилагательных оказало влияние склонение указательных местоимений *тъ*, *то*, *та* (на твердый вариант), *и*, *я*, *е* (на мягкий вариант). Влияние склонения местоимений испытали на себе прилагательные всех трех родов в родительном, дательном, местном падеже единственного числа. В результате всех этих разнообразных изменений сложилась система склонения полных прилагательных древнерусского языка [Трахтенберг О.М. 1984].

В родительном и дательном падеже единственного числа у прилагательных мужского и среднего рода в самых древних памятниках письменности (Новгородских служебных минеях 1095–1097 гг., в надписи на чаре Владимира Давыдовича 1151 г., в Смоленской грамоте 1229 г.) отмечены окончания *-ого*, *-его*, *-ому*, *-ему*.

В современном русском литературном произношении вместо окончаний родительного падежа единственного числа *-ого*, *-его* имеем окончания *-овъ*, *-ъвъ*, *-ьвъ (молод[овъ]*, *добр[ъвъ]*, *си[н'ьвъ]*). Ученые дают различное объяснение этому явлению. Н.С. Колосов так объясняет происхождение *-ово*, *-ево* в родительном и винительном падежах одушевленных существительных мужского рода: находясь в положении между гласными [о], взрывной согласный [г] изменился в [г] фрикативный, который затем утратился, и рядом оказались два гласных [оо]; между двумя лабиализованными гласными развился близкий по артикуляции согласный звук [в]. П.Я. Черных считает, что окончание *-ово* появилось под влиянием притяжательных прилагательных типа *Иванова сына*. Ф.П. Филин связывает возникновение форм на *-ова* с влиянием среднерусских говоров, где окончание *-ова* – акающий вариант окончания *-ово*.

В творительном и местном падеже единственного числа после падения редуцированных произошло отвердение конечного согласного [м]: *добрымь*, *добромь* → *добрым*, *добром.*

К особенностям употребления падежных форм полных прилагательных относится нестяженная форма косвенного падежа. В художественной литературе в стилизациях под народную речь встречаются нестяженные формы, например: *И всем добрым он травам*, *невредным*, *отвечает поклоном приветным*, *а которы растут виноватые*, *тем он палкой грозит суковатою* (А.К. Толстой).

В родительном падеже единственного числа прилагательных женского рода были окончания *-оѣ*, *-ыѣ* для твердого варианта. Окончание *-о*ѣ утратило [ѣ] под воздействием дательного и местного падежа, в результате чего установилось единое окончание твердого варианта *-ой*; мягкий вариант полностью уподобился твердому варианту, получив окончание *-ей: доброй*, *густой*, *синей*, *могучей*.

Окончание *-ыя*, встречающееся в литературном языке XVIII и начала XIX в. в высоком и торжественном слоге, является старославянским по происхождению. Например: *И жало мудрыя змеи в уста замерзшие мои вложил десницею кровавой* (А.С. Пушкин).

В творительном падеже единственного числа прилагательных женского рода имеются вариантные окончания *-ой (-ою)*, *-ей (-ею)*, *-ёй (-ёю)*: *водой – водою*, *няней – нянею*, *землёй – землёю.* Редукцию конечного гласного *-ю* в окончании *-ою* А.А. Шахматов связывает с влиянием грамматической аналогии из-за стремления сократить окончание твердого варианта, отличавшееся лишним слогом от всех остальных падежных окончаний единственного числа. Формы на *-ою (-ею)* свойственны книжной речи и используются часто в поэзии как средство версификации, то есть для ритмико-интонационной организации стихотворения.

В именительном и винительном падеже множественного числа всех трех родов установилось единое окончание *-ые*, *-ие* в связи с утратой родовых различий во множественном числе. В современном русском языке имеем *добрые*, *синие* вместо древнерусских *добры*ѣ (жен. род), *добрыи* (муж. род), *добрая* (ср. род). Окончание множественного числа *-ые* восходит к окончанию именительного и винительного падежа женского рода и винительного падежа мужского рода *-ы*ѣ.

Утрата родовых различий во множественном числе наметилась в XIII–XIV вв., однако в памятниках долго наблюдается смешение старых и новых форм. В XVIII в. М.В. Ломоносов установил искусственную систему окончаний прилагательных: *-ые*, *-ие* в мужском роде, *-ыя*, *-ия* в женском и среднем роде. Формы на *-ыя*, *-ия* сохранялись до реформы орфографии 1917–18 гг., после которой единым стало окончание *-ые* для всех трех родов.

Притяжательные прилагательные образовывались от существительных различных склонений путем прибавления к основе суффиксов:

– от существительных 1-го склонения на *-а (-ja)* путем прибавления суффикса *-инъ*: *сестра → сестринъ*, *бабушка → бабушкинъ*,

– от существительных 2-го склонения на *-о (-jo)* путем прибавления суффиксов *-овъ*, *-евъ*: *братъ → братовъ*, *отьць → отьцевъ*,

– от существительных разных склонений путем прибавления суффиксов

– *-jь*: *князь → княжь*,

– *-ьj*: *лиса → лисий*,

– *-ьскъ*: *бояре → боярьскъ*.

Притяжательные прилагательные с суффиксами *-ов-*, *-ев-*, *-ин-* сохранились, но малочисленны. Прилагательные с суффиксами *-jь*, *-ьскъ* утрачены, но их остатки сохранились в названиях городов *Ярославль (вл ← вjь)*, *Курск*, *Архангельск*.

Притяжательные прилагательные с суффиксом *–ьскъ* стали полными и перешли в разряд относительных: *крестьянский*, *городской*, *учительский*.

Притяжательные прилагательные с суффиксом *-ьj* сохраняются в современном русском языке, но имеют тенденцию к переходу в относительные при обозначении материала (*лисий хвост – лисья шапка*, *медвежий след – медвежья шкура*) или в качественные прилагательные при метафоризации (*лисья улыбка*, *медвежья услуга*).

Притяжательные прилагательные твердого варианта в основном сохраняют свое склонение, однако в родительном и дательном падеже под влиянием полных форм и грамматической аналогии развились вариантные падежные окончания краткой и полной формы, например:

Им. п. *мамин□ платок□*

Род. п. *мамин-а и мамин-ого платк-а*

Дат. п. *мамин-у* и *мамин-ому платк-у*

Тв. п. *мамин-ым платк-ом*

Предл. п. *о мамин-ом платк-е.*

В именительном, родительном, дательном падеже единственного числа окончания притяжательных прилагательных совпадают с окончаниями соответствующих существительных, то есть изменяются по именному склонению. В творительном и предложном падеже единственного числа под влиянием местоименного склонения закрепились окончания *-ым*, *-им*.

Таким образом, в настоящее время наблюдается тенденция к сближению полных и кратких форм притяжательных прилагательных.

В древнерусском языке прилагательные имели те же степени сравнения, что и в современном русском языке, но в употреблении и в образовании наблюдаются отличия.

Сравнительная степень прилагательного имела краткую и полную форму, изменялась по падежам, родам и числам, употреблялась в роли местоимения, согласуясь с определяемым существительным, то есть обладала признаками, которых не имеет в современном русском языке. Краткая форма сравнительной степени образовывалась двумя способами:

1) при помощи определенных суффиксов, которые присоединялись к основе прилагательного:

– в мужском роде прибавлением суффикса *jь + и*: *сух + jь + и → сушии*; *худ + jь + и → хужии*, *нов + jь + и → новии*;

– в среднем роде прибавлением суффикса *jе*: *сух + jе → суше*; *худ + jе → хуже*, *нов + jе → нове*;

– в женском роде прибавлением суффикса *jьш (ш* из *сj) + и*: *сух + jьш + и → сушьши*; *худ + jьш + и → хужьии*, *нов + jьш + и → новьши*;

– во множественном числе прибавлением суффикса *jьш (ш* из *сj)* + родовые окончания *-е*, *-а*, -ѣ: *сушьше*, *хужьше*; *сушьша*, *хужьша*; *хужьш*ѣ, *сушьш*ѣ.

2) к указанным выше формам присоединялся суффикс *-ẽ-*, предшествующий суффиксам степеней сравнения: в единственном числе – *суш*ѣ*и*, *хуж*ѣ*и*, *нов*ѣ*и*; *суш*ѣ*е*, *хуж*ѣ*е*, *нов*ѣ*е*; *суш*ѣ*иши*, *хуж*ѣ*иши*, *нов*ѣ*иши*; во множественном числе – *суш*ѣ*ише*, *хуж*ѣ*ише*, *нов*ѣ*ише*; *суш*ѣ*иша*, *хуж*ѣ*иша*, *нов*ѣ*иша*; *суш*ѣ*ишь*, *хуж*ѣ*ишь*, *нов*ѣ*ишь*.

Как и краткие прилагательные, сравнительная степень прилагательных могла употребляться в роли определения и в роли именной части сказуемого. Постепенно краткая форма сравнительной степени теряет функцию определения и закрепляется в синтаксической функции сказуемого, что, в свою очередь, повлияло на изменение морфологических признаков сравнительной степени. В частности, она утратила родовые различия, склонение и числовые формы. Этим объясняется отсутствие в современном русском языке разнообразия форм сравнительной степени.

Из всего многообразия форм сравнительной степени сохранилась только застывшая форма именительного падежа единственного числа среднего рода с суффиксами *-ее-*, *-е-* и именительного падежа множественного числа мужского рода с суффиксом *-ше-*. Это объясняет нам происхождение современной формы сравнительной степени прилагательных с помощью суффиксов *-ее-*, *-ей-*, *-е-*, *-ше-*: *хуже*, *ниже*, *новее*, *красивее*, *умнее*, *быстрей*, *интересней*, *лучше*, *дальше*, *больше*, *меньше*. Форма на *-ей-* появилась в результате полной редукции конечного гласного суффикса *-ее-*.

При образовании сравнительной степени прилагательного наблюдалось ассимилирующее влияние *j*, проявляющееся в современном русском языке в чередовании звуков: *д* // *ж*; *т* // *ч*; *г* // *ж*; *х* // *ш*; *к* // *ч*; *в* // *вл* и др. Например: *дорогой – дороже*, *сухой – суше*, *лёгкий – легче*, *дешёвый – дешевле*.

К особенностям образования сравнительной степени прилагательных в современном русском языке относится то, что прилагательные с суффиксами *-ок-*, *-ек-* теряют этот суффикс, это объясняется древним происхождением данной формы, когда прилагательные в исходной форме еще не были осложнены суффиксами *-ок-*, *-ек-*. Например: *широкий – шире*, *короткий – короче*, *узкий – уже*, *далёкий – далее*, *дальше*.

Полные формы сравнительной степени прилагательных, как и полные прилагательные, образовывались путем прибавления к краткой форме указательных местоимений мягкого варианта *и*, *я*, *е*.

В женском роде местоимение присоединялось к форме именительного падежа единственного числа краткой сравнительной степени:

новѣиши + я → новѣишия.

В мужском и среднем роде местоимение присоединялось к форме винительного падежа единственного числа краткой сравнительной степени:

новѣишь + и → новѣишии,

новѣише + е → новѣишее.

Полная форма сравнительной степени употреблялась в роли определения, имела формы рода, числа и падежа, склонялась по образцу мягкого варианта полных прилагательных. Эти грамматические признаки полные формы сохранили и в современном русском языке, но изменилось их значение: они перестали восприниматься как формы сравнительной степени, а переосмыслились как формы превосходной степени, указывающие на высшую степень признака, качества предмета. Утрата старых значений широко наблюдается в памятниках XVII–XVIII вв. В современном русском языке сравнительное значение усматривается в словах *больший*, *меньший*, *лучший*, *худший*.

В современном русском языке превосходная степень прилагательных образуется при помощи суффиксов *-ейш-*, *-айш-*. Суффикс *-айш-* присоединяется к прилагательным с основой на заднеязычные согласные *г*, *к*, *х*: *строгий – строжайший*, *высокий – высочайший*. Изменение *г*, *к*, *х* в шипящие *ж*, *ч*, *ш* объясняется результатами I палатализации перед гласным [ѣ], который удлинился и изменился в звук [а].

В древнерусском языке превосходная степень прилагательного образовывалась при помощи приставок старославянского происхождения *пре-*, *раз-*, *наи-*: *наилучший*, *наименьший*, *прекрасный*, *распрекрасный*, *разудалый*. В современном русском языке для образования превосходной степени используется только приставка *наи-*.

Превосходная степень в древнерусском языке выражалась аналитически, то есть путем прибавления к исходной форме прилагательного особых усилительных слов *вельми*, *очунь (очень)*, *самый*: *самый добрый*, *очень добрый*, *вельми добрый*. В современном русском языке она образуется аналитически при помощи слов *самый*, *наиболее*, *наименее*, которые присоединяются к положительной степени сравнения, и при помощи слов *всех*, *всего*, которые присоединяются к простой форме сравнительной степени.

ИСТОРИЯ ИМЕН ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

С развитием абстрактного мышления формируется новая, наиболее абстрактная грамматическая категория – категория числительного. Как самостоятельная часть речи имена числительные сложились к XVIII веку.

Понятие отвлеченного числа представляет собой одну из наиболее высоких абстракций человеческой мысли. Оно возникло в связи со способностью мышления отвлекаться от всех свойств предмета, кроме числовых. Несмотря на то, что числительное как самостоятельная часть речи сложилась сравнительно недавно, счетные слова являются очень древними, на что указывают сравнения с индоевропейскими языками [Жолобов О.Ф. 2001: с. 94–109].

Числительное *один* образовалось путем сложения старославянской усилительно-ограничительной частицы **jedъ* «только» (сохраняется в слове *едва*) и местоимения *ин-* «иной», что буквально означало «совсем один» (корень *ин-* сохраняется в словах *иной*, *инок*, *иногда*; значение единичности сохраняется в словах с суффиксами *-ин-*, *-инк-*, *-анин-*, *-янин-*: *крестьянин*, *боярин*, *горожанин*, *песчинка*, *соринка*, *чаинка*). Начальное *о* возникло в результате отпадения звука [j] в древнерусском языке, но старославянский вариант с [j] находим в словах *един*, *единый*, *единица* (ср. также: *есень – осень*). Как видим, первоначально слово *один* не имело числового значения, минимальным числом в счете, как считают ученые, было слово *два*, а понятия единицы как более абстрактного вначале не было.

Числительное *два* имеет соответствия в нем. *zwei*, лат. *duo*, англ. *two*.

Числительное *три* имеет соответствия в нем. *drei*, лат. *tres*, *tris*, франц. *troi.*

Числительное *четыре* имеет соответствия в лит. *keturi*, лат. *guattuor*, греч. *tetares*.

Числительное *пять* имеет соответствия в нем. *funf*, лит. *penki*, греч. *penta*.

Числительное *шесть* имеет соответствия в лат. *sex*, нем. *sechs.*

Числительное *семь* является общеславянским производным от **sedmъ*.

Числительное *восемь* является общеславянским производным от *осмъ* «восьмой». В древнерусском языке появилось протетическое *в* и произошла вокализация сонорного после падения редуцированных.

Числительное *девять* образовалось при помощи суффикса *-t-* от той же основы, что и нем. *neun*, лат. *novem*. Начальное *н* перешло в *д* в результате диссимиляции с внутренним *н*. Слово *девять* обозначает «9» потому, что при счете четверками с девяти начинается новый отсчет (ср. *ноябрь*).

Числительное *десять* имеет соответствия в лат. *decem*, греч. *deka* (ср. *декада*, *декабрь*).

Числительное *сорок* является исконно русским словом, сменившим славянское числительное *четыре десяте*. Возникло в результате лексико-семантического способа словообразования на базе существительного *со́рокъ* «мешок, рубаха» (совр. *сорочка*): из-за обычая продавать соболя сороками, вкладывая 40 шкурок в один мешок (40 – количество шкурок на пошив полной, до пят, шубы). Таким образом, *сорокъ* означал сначала «мешок», затем – «мешок с 40 соболями» и, наконец, числительное «сорок» (ср. датск. *snes* – 20, буквально – «палка, на которой навешали для вяления 20 рыб»).

Числительное *сто* имеет соответствия в авест. *satom*, лат. *centum*.

Числительное *тысяча* имеет соответствия в нем. *tausend*, др.-прус. *tusimtons*, образовалось путем сложения **tu(s)* «толстое» и **sent* «сто», что буквально означало «толстое (большое) сто».

В основе отвлеченного числа лежит десятиричная система, которая основывалась на счете десяти пальцев рук. До этого была двадцатиричная система (сумма пальцев рук и ног), девятиричная система (сохранилась в сказочном зачине в *тридевятом царстве*, за *тридевять земель*, *за тридевять морей*), пятиричная система (в сказке П.П. Ершова «Конек Горбунок» – *две пять шапок серебра*), четырехричная (отразилась в числительном *девять*).

С развитием абстрактного мышления происходит постепенное отодвижение числового предела. В древнерусском языке числовой предел обозначался словом *тьма*, называющим числовое понятие 10 000. В современном русском языке это значение сохранилось в выражении *тьма народу*. Постепенно в качестве числового предела выдвигаются такие числовые понятия, как *легион* – 100 000,

ворон – 10 миллионов, *колода* – бесконечное множество. Все эти слова-числительные встречаются в памятниках письменности XV в.

В XVII веке из итальянского языка заимствуется числительное *миллион*, в XIX веке из французского языка – *миллиард*, *биллион*.

Формирование категории числительных происходила на основе существующих в языке частей речи. Числительные *два*, *три*, *четыре* образовались на основе прилагательных и в древнерусских памятниках сохраняли их особенности: употреблялись в роли определения, согласуясь с определяемым словом в роде, числе и падеже. Числительное *два* сохранило родовые отличия в современном русском языке: *два* – муж. и ср. роды, *две* – жен. род. Числительные *пять*, *шесть*, *семь* и др. в древнерусском языке сохраняли грамматические особенности существительных, относясь к определенному роду: *пять*, *шесть*, *семь*, *восемь*, *девять* – жен. род, *десять* – муж. род, *сто* – ср. род. Как и существительные, они могли иметь при себе определение (*третья пять пришла*) или могли управлять другими существительными (*пять человек пришли*).

Происхождение числительных из различных частей речи отражается и в современном русском языке. Оно проявляется в наличии родовых форм у числительного *два* и в особых синтаксических связях числительных с существительными.

При числительных *два*, *три*, *четыре* употребляется форма родительного падежа единственного числа существительных, восходящая к древней форме именительного падежа двойственного числа. Являясь по происхождению прилагательными, числительные *два*, *три*, *четыре* согласовывались с существительными, определениями которых они являлись.

Числительное *два* в форме именительного падежа сочеталось с формой именительного-винительного падежа двойственного числа существительного, а числительные *три*, *четыре* – с формой именительного-винительного падежа множественного числа существительных:

– в мужском роде: *дъва стола*, *трие столи*, *четыре столи*;
– в женском роде: *дъв*Ѣ *жен*Ѣ, *три жены*, *четыри жены*.

В остальных падежах при числительных *два*, *три*, *четыре* существительные всегда употреблялись во множественном числе, как и в современном русском языке:

– в родительном падеже: *двух*, *трёх*, *четырёх столов*;
– в дательном падеже: *двум*, *трём*, *четырём столам*;

– в творительном падеже: *двумя*, *тремя*, *четырьмя столами*;
– в предложном падеже: *о двух*, *трёх*, *четырёх столах*.

Формирование категории числительного связано с утратой двойственного числа, что привело к изменению сочетаний числительных разного происхождения с существительными. Так, древнерусские формы *дъва стола*, *трие столи*, *четыре столи* после утраты двойственного числа заменились формами *два стола*, *три стола*, *четыре стола*, так как именительный падеж двойственного числа начал восприниматься как внешне совпадающая с ней форма родительного падежа единственного числа и распространился на одинаковые по происхождению числительные *три*, *четыре*. До настоящего времени в некоторых сочетаниях этих числительных с существительными у существительных наблюдается ударение, отличающееся от ударения родительного падежа единственного числа и свойственное форме именительного падежа двойственного числа: *два шагá* (но: *от шáга*), *четыре часá* (но: *от чáса*).

Числительные *пять*, *шесть*, *семь*, *восемь*, *девять*, *десять*, будучи по происхождению существительными, всегда управляли формой родительного падежа множественного числа существительного, что сохраняется и в современном русском языке.

В дальнейшем формы косвенных падежей сочетаний числительных *два*, *три*, *четыре* с существительными оказали влияние на косвенные падежи сочетаний числительных *пять*, *шесть* и прочих с существительными. В них также установилась связь согласование, например:

– в родительном падеже: *пяти столов*, *книг*, *яблок*;
– в дательном падеже: *пяти столам*, *книгам*, *яблокам*;
– в творительном падеже: *пятью столами*, *книгами*, *яблоками*;
– в предложном падеже: *о пяти столах*, *книгах*, *яблоках*.

Изменение грамматической связи, утрата двойственного числа приводит к развитию у всех числительных общих признаков: особой синтаксической функции, утрате родовых различий, отсутствию изменения по числам, утрате при числительных определений и согласования с ними глаголов. Все это дало основание для выделения числительных в особую часть речи.

Числительные имели свои особенности в образовании и склонении.

Числительное *один* возникло на восточнославянской почве, в старославянском языке ему соответствует *единъ*. Числительное

один имеет в своем составе краткую форму местоимения *иной*, поэтому имеет формы рода, числа и падежа: *один*, *одна*, *одно*. В процессе исторического развития форма на *ин-* закрепилась за именительным падежом единственного числа мужского рода. В формах женского, среднего рода и множественного числа закрепились формы на *ьн- (одьн)*: *одна*, *одно*, *одни*.

На склонение числительного *один* в единственном числе оказало влияние местоимение *тот*, *та*, *то*, то есть оно изменяется по местоименному склонению твердого варианта: *одного*, *одному*, *одном*, *одной* (ср. *того*, *тому*, *том*, *той*). Во множественном числе и в творительном падеже единственного числа числительное *один* подверглось влиянию местоимений мягкого варианта типа *мой*: *одних*, *одним*, *одними* (ср. *моих*, *моим*, *моими*).

Числительное *два* имело только формы двойственного числа и три падежные формы:

	муж. род	жен. род	ср. род
Им.-вин. п.	*дъва*	*дъвѣ*	*дъвѣ*
Род.-местный п.	*дъвою*	*дъвою*	*дъвою*
Дат.-тв. п.	*дъвѣма*	*дъвѣма*	*дъвѣма*

В процессе исторического развития форма именительного падежа среднего рода совпала с формой именительного падежа мужского рода *два* и сохранилась форма женского рода *две*. В косвенных падежах на склонение числительного *два* оказало влияние именное склонение, склонение прилагательных и числительных *три*, *четыре*.

Старая форма родительного и местного падежа *дъвою* утратилась, сохранившись только в первой части прилагательного *двоюродный*. Под влиянием именного склонения форма *дъвою* заменилась формой *дву*, которая ложится в основу склонения всех косвенных падежей: *двух*, *двум*, *двумя* и участвует в образовании прилагательных *двудольный*, *двуличный*, *двужильный*.

Форма *дву* сохранялась в памятниках письменности вплоть до XVII века, когда на склонение числительного *два* оказало влияние склонение прилагательных родительного и местного падежа единственного числа типа *тихих*, *великих*, в результате чего образовалась форма родительного и предложного падежа *двух*. Дательный и творительный падеж в процессе исторического развития разошлись между собой. В дательном падеже под влиянием полных прилагательных установилась форма *двум*. В творительном падеже

в результате контаминации двух форм – формы на *-ма* (окончание двойственного числа) и формы на *-ми* (окончание прилагательных) – образовалась форма *двумя*.

Числительные *трие*, *четыре* употреблялись во множественном числе. Числительное *трие* склонялось как существительное 4-го склонения с основой на *-i*. Числительное *четыре* склонялось как существительное 5-го склонения с основой на согласный.

Родовые различия наблюдались только в именительном падеже: мужской род – *трие*, *четыре*; женский и средний род – *три*, *четыри*. К XVII веку установилась единая для всех родов форма: *три* – бывшая форма среднего и женского рода; *четыре* – бывшая форма мужского рода.

В косвенных падежах родовых различий не наблюдалось:

Род. п.	*трии*, *четыръ* (*тръхъ*, *четыръхъ*)
Дат. п.	*трьмъ*, *четырьмъ*
Вин. п.	*три*, *четыри*
Тв. п.	*трьми*, *четырьми*
Местный п.	*трьхъ*, *четырьхъ*

Современные формы родительного, дательного и предложного падежа (*трёх*, *трём*, *четырёх*, *четырём*) образовались под влиянием прилагательных. Форма творительного падежа (*тремя*, *четырьмя*) возникла под влиянием числительного *двумя*.

Числительные *пять ... девять* склонялись как существительные 4-го склонения с основой на *–i*, то есть как существительные современного 3-го склонения, и сохранили свое изменение до настоящего времени.

Числительное *десять* имело единственное, множественное и двойственное число и изменялось как существительное мужского рода 5-го склонения с основой на согласный. В процессе исторического развития было утрачено изменение по числам и числительное *десять* совпало по склонению с числительными *пять ... девять*. Только в сложных числительных *пятьдесят*, *шестьдесят*, *семьдесят*, *восемьдесят* до настоящего времени сохранилась старая форма родительного падежа множественного числа *-десяти* (ср. *пятидесяти*).

Простые количественные числительные явились основой для формирования сложных и составных числительных.

Числительные *одиннадцать ... девятнадцать* образовались из трех элементов: простых количественных числительных

один ... девять и числительного *десять* в местном или винительном падеже:

– *одинъ + на + десять → одинънадесять* (из-за слияния трех слов) → *одиннадсять* (из-за утраты гласных [ъ] и [е]) → *одиннадцать* ([д] перед [с] оглушился в звук [т], из сочетания [тс] образовалась аффриката [ц]). На письме сохраняется *нн* и *д* традиционно;

– *два (двѣ) + на + десять → двенадесять* (закрепилась форма женского и среднего рода *двѣ*) → *двенадцать* (в результате изменения *десять* в *-дцать* – см. выше);

В числительных *четырнадцать ... девятнадцать* в середине мягкий знак не пишется, так как при слиянии трех слов в одно мягкий согласный отвердел перед твердым [н] (ср. *пятьнадесять → пятнадцать*).

Числительные *двадцать*, *тридцать* образовались из названия единиц *два*, *три*, которые, будучи по происхождению прилагательными, согласовывались с числительным-существительным *десять*:

– *два + десяти* (им. п. двойств. ч.) → *двадесяти → двадцать* (в результате изменения *десяти* в *-дцать* – см. выше);

– *три + десяте* (им. п. мн. ч.) → *тридесяте → тридцать* (в результате изменения *десяте* в *-дцать* – см. выше).

Числительное *сорок* склонялось как существительное 2-го склонения с основой на *-о* с сохранением старого этимологического ударения: *со́рок*, *со́рока*, *со́року*, *со́рокомь*. Такое изменение находим еще в «Грамматике» М.В. Ломоносова, но в дальнейшем, в XIX веке во всех косвенных падежах, кроме винительного, становилась единая форма на *-а*: *сорока́*.

Числительные *пятьдесят*, *шестьдесят*, *семьдесят*, *восемьдесят* образовались из названия единиц *пять ... восемь*, которые, будучи по происхождению существительными, сами изменялись по падежам, но управляли формой родительного падежа множественного числа числительного-существительного *десять*, например: *пять десятъ*, *пяти десятъ*, *пятью десятъ*. В процессе исторического развития вторая часть числительных стала склоняться по образцу других числительных, а в современном русском языке у числительных *пятьдесят*, *шестьдесят*, *семьдесят*, *восемьдесят* изменяются обе части, например: *пятидесяти*, *пятьюдесятью*.

Числительное *девяносто* образовалось в результате фонетических изменений из словосочетания *десять до ста*. В результате диссимиляции оно изменилось сначала в *десяносто*, а затем в *де-*

вяносто. В косвенных падежах под влиянием числительных *сорок* и *сто* установились единые формы на *-а*: *девяноста*.

Числительное *сто*, являясь по происхождению существительным, склонялось как существительное 2-го склонения среднего рода с основой на *-о* типа *село* и имело формы единственного, двойственного и множественного числа. В единственном числе в процессе исторического развития во всех косвенных падежах, кроме винительного, установилась форма на *-а*: *ста*. Старые формы двойственного и множественного числа сохранились в составе сложных числительных *двести*, *триста*, *четыреста*, *пятьсот* и др.

Числительные *двести*, *триста*, *четыреста* образовались из сочетания двух числительных:

– *дв*Ѣ (жен. и ср. роды) + *сот*Ѣ (им. п. двойств. ч.) → *дв*Ѣ*ст*Ѣ → *двести* (буква *и* на месте Ѣ);

– *три* + *съта* (им. п. мн. ч.) → *триста*;

– *четыре* + *съта* (им. п. мн. ч.) → *четыреста*.

В древнерусском языке числительные *двести*, *триста* при склонении изменяли обе части, что сохранилось и в современном русском языке. Склонение числительного *двести* уподобилось склонению этих числительных.

Числительные *пятьсот*, *шестьсот*, *семьсот*, *восемьсот*, *девятьсот* состоят из числительных, обозначающих единицы, и числительного *сто*. Являясь по происхождению существительными, первая часть (*пять*, *шесть*, *семь*, *восемь*, *девять*) управляла формой родительного падежа множественного числа числительного *сто*, например: *пять съть*, *шесть съть*, *пяти съть*, *шести съть*, *пятью съть*, *шестью съть*. На склонение этих числительных оказали влияние числительные *двести*, *триста*, *четыреста*, в связи с чем у числительных *пятьсот*, *шестьсот*, *семьсот*, *восемьсот*, *девятьсот* стали изменяться обе части.

Числительные *тысяча*, *миллион*, *миллиард*, являясь по происхождению существительными, изменяются как существительные соответствующего склонения: *тысяча* – как существительные 1-го склонения, *миллион*, *миллиард* – как существительные 2-го склонения.

Дробные числительные в древнерусском языке обозначались существительными *полъ*, *треть*, *четверть*, *пятина*, *шестина*, *десятина*.

Слово *полъ* было широко распространено в древнерусском языке. Оно склонялось как существительное 3-го склонения с основой на *-и*

краткое (-ъ). Слово *полъ* употреблялось с порядковыми числительными и указывало на часть последней единицы, то есть дробную часть: *полъ втора*, *полъ пята*. Такое употребление находим в «Грамматике Мстислава» (1130 г.). *Полъвтора* в результате фонетических изменений преобразовалось в числительное *полтора*. Т. к. при склонении числительных со словом *полъ* оно имело, кроме именительного и винительного падежа, форму *полу*, в современном русском языке имеем формы:

Им.-вин. п. *полтора*, *полторы*

Род., дат., тв., предл. п. *полутора*.

Собирательные числительные *двое*, *трое*, *четверо ... десятеро* представляли собой форму среднего рода единственного числа, но могли употребляться в мужском и женском роде, ср.:

– ср. род *дъвое*, *трое*
– муж. род *дъвой*, *трой*
– жен. род *дъвоя*, *троя*.

В процессе исторического развития собирательные числительные сузились уже в древнерусском языке и стали употребляться только с существительными мужского рода (*семеро друзей*), с существительными, имеющими форму только множественного числа (*трое суток*), с парными предметами (*двое валенок*), с существительными *люди*, *дети*.

В косвенных падежах закрепились формы множественного числа: *двоих*, *троих*, *двоим*, *троим*, *двоими*, *троими*.

Числительные *оба* (муж. род), *об*Ѣ (жен. и ср. роды) в древнерусском языке изменялись по двойственному числу:

Им.-вин. п. *оба*, *об*Ѣ

Род.-местный п. *обою*

Дат.-тв. п. *об*Ѣ*ма*.

С утратой двойственного числа числительные *оба*, *обе̑* стали склоняться по множественному числу, а в именительном падеже сохранилась древняя форма. К 1-й половине XIX века форма *оба* переосмыслилась как форма мужского и среднего рода, форма *обе* – как форма женского рода. При склонении формы различаются гласным основы, ср.: *обоих*, *обоим* – *обеих*, *обеим*.

Порядковые числительные производны от количественных числительных: *пять* – *пятый*, *шесть* – *шестой*. Не соответствуют такому словообразованию числительные *первый*, *второй*. Числительное *первый* является по происхождению прилагательным

со значением «передний, прежний» и имеет соответствия в индоевропейских языках, ср.: др.-инд. *purvas*, др.-англ. *forwost*. Числительное *второй* также является по происхождению прилагательным со значением «другой, следующий далее». Числительные *третий* и *четвёртый* образовались от существительных *треть* и *четверть*.

Порядковые числительные в древнерусском языке имели полные и краткие формы. Краткие формы изменялись как существительные, полные – как прилагательные. Краткие формы сохранились в выражениях *сам-друг* «вдвоем», *сам-четверт* «вчетвером», *сам-пят* «впятером» и др., например: *Осталася во тьме морозной младая дева с ним сам-друг* (А.С. Пушкин).

Числительные *одиннадцатый ... девятнадцатый* изменяли только первую часть: *вторый на десять*, *второго на десять*, *второму на десять*. Изменение порядковых числительных тесно связано с изменением количественных числительных: после образования числительных *одиннадцать*, *двенадцать … двадцать*, *тридцать* появились числительные *одиннадцатый*, *двенадцатый ... двадцатый*, *тридцатый*.

Порядковые числительные *сороковой*, *сотый* образовались в результате присоединения окончания *-ый* к форме родительного падежа множественного числа. Числительные *двухсотый ... девятисотый* образовались в результате присоединения родительного падежа простого числительного (*двух*, *трёх*, *четырёх*, *пяти* и др.) к числительному *сотый*.

Составные числительные изменяли последнее слово: *пятьдесятъ второго*, *пятьдесятъ второму* и т. д. Такое изменение сохранилось и в современном русском языке.

Таким образом, числительные как часть речи окончательно сформировались к XVIII веку. На их установление оказали влияние утрата двойственного числа, установление особых связей с существительными, утрата числа, рода, своеобразие склонения сложных и составных числительных.

ИСТОРИЯ МЕСТОИМЕНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Местоимение – древняя часть речи, о чем говорят сравнения с индоевропейскими языками:

– др.-рус. *язъ*, нем. *ich*, латыш. *es*,

– др.-рус. *ты*, лат. *tu*, нем. *du*,
– др.-рус. *онъ*, др.-лит. *anas*, нем. *ener*,
– др.-рус. *вы*, лат *vos*,
– др.-рус. *вьсь*, литов. *veisti*,
– др.-рус. *инъ*, нем. *ein*, лат. *unus*,
– др.-рус. *тотъ*, латыш. *tas*, греч. *ton*.

Местоимение имеет отвлеченное значение, оно не называет предмет, признак или количество, а только указывает на них. В древнерусском языке, как и в современном русском, наблюдались все основные разряды местоимений.

По грамматическим признакам все местоимения делились на две группы: близкие к существительным – личные и возвратные; близкие к прилагательным – все неличные местоимения.

По лексическому составу изменений почти не произошло, они коснулись лишь отдельных слов. Так, к личным местоимениям в современном русском языке относятся местоимения 3-го лица (*он*, *она*, *оно* и их формы в косвенных падежах), которые в древнерусском языке входили в разряд указательных местоимений и обозначали наиболее удаленные от говорящего предметы. Вторую степень удаленности имели местоимения *тъ*, *та*, *то*. На ближайший предмет указывало местоимение *сь*, *се*, *си*. Указательные местоимения *и*, *я*, *е* указывали на нейтральный в отношении удаленности предмет. В древнерусском языке не было местоимения *этот*.

В современном русском языке отсутствуют древние местоимения *и* (3-е л., ед. ч., муж. род), *я* (3-е л., ед. ч., жен. род), *е* (3-е л., ед. ч., ср. род), устаревшими являются местоимения *иже* «который», *сей* «этот» (сохранилось в словах *сейчас*, *сегодня*), *кои* «который» (сохранилось в выражениях *в кои веки*, *на кой черт*) [Зализняк А.А. 1981: с. 89–107].

В древнерусском языке личными местоимениями были только местоимения 1-го и 2-го лица, которые не имели рода, но изменялись по падежам и числам. В процессе исторического развития состав и склонение местоимений менялись. Так, древнейшей формой 1-го лица именительного падежа единственного числа была форма *язъ*, наряду с которой существовали также местоимение *азъ* старославянского происхождения без йотации начального *а* и местоимение *я*, которое вытеснило к XVII веку первые две формы.

Употребление всех трех местоимений находим уже в Грамоте Мстислава около 1130 г.: «*се азъ Мьстиславъ*; *а язъ далъ*; *а се я Все-*

волод…» Наличие вариантов личного местоимения 1-го лица говорит о стилистической и смысловой дифференциации данных форм. Местоимение *азъ* употреблено в начале грамоты при назывании социального положения Мстислава, и ее использование указывает на возвышенный характер и традицию написания подобного рода документов. Местоимение *язъ*, которое более активно в разговорной речи того периода, обнаруживаем при перечислении княжеских даров. Форма *яз* до настоящего времени сохранилась в словенском и македонском языках; форма *аз* – в болгарском. Местоимение *я* свидетельствует о начале процесса падения редуцированных гласных в древнерусском языке, так как усеченная форма *я* появилась на русской почве после отпадения конечного редуцированного, оглушения согласного, а затем и полной его утраты. Местоимение *я* употреблено в грамоте в приписке Всеволода – сына Мстислава и несет в себе уничижительную стилистическую окраску, так как пишущий хочет подчеркнуть свою второстепенную роль как члена семьи и уважение по отношении к отцу-князю.

В склонении личных и возвратного местоимений различались полные и краткие, энклитические, формы, которые присоединялись по ударению к предшествующему слову. Краткими формами были *ми*, *ти*, *си* (дат. п. ед. ч.), *мя*, *тя*, *ся* (вин. п. ед. ч.), *ны*, *вы* (дат. и вин. п. мн. ч.) и употреблялись в разговорном и деловом языке Москвы вплоть до 1-й половины XVI века.

В процессе исторического развития значительные изменения произошли в косвенных падежах.

Исконные формы родительного падежа единственного числа *мене*, *тебе*, *себе* были вытеснены формами *меня*, *тебя*, *себя*. Впервые они отмечаются в памятниках XIV века. Они возникли в северно-великорусских говорах, из них распространились в московском языке, а затем в литературном. Формы *меня*, *тебя*, *себя* появились под влиянием кратких форм *мя*, *тя*, *ся*, что подтверждает сравнение с сербским, хорватским, болгарским и македонским языками. Для винительного падежа единственного числа исконными были краткие формы, но под влиянием родительного падежа в винительном падеже также возникли формы *меня*, *тебя*, *себя*.

Русским языком были утрачены краткие формы местоимений. От них сохранилась только форма винительного падежа возвратного местоимения *ся*, которая еще до XVII века имела свободное

местоположение. Ср. в Судебнике 1550 г.: «*сына… которой ся у него родитъ*». После XVII века форма *ся* закрепилась за глаголами и превратилась в возвратную частицу. Остатком краткой формы является разговорно-просторечное местоимение *те* в выражении *я те дам*. Употребление кратких форм можно встретить и сейчас в диалектах (*кто у тя родился*) и в устойчивом выражении *иду на вы*.

В дательном и местном падежах у местоимения 2-го лица и возвратного местоимения в единственном числе наблюдались формы *тобѣ*, *собѣ*, наряду с которыми были известны формы *тебѣ*, *себѣ*, С течением времени форма с *е*, поддержанная книжно-литературной традицией (в старославянском языке не было форм с *о*), получила большое распространение и вытеснила старую форму с *о* в языке Москвы и в московской письменности к началу XVII века.

Неличные местоимения, кроме *къто*, *чьто*, изменялись по родам, числам, падежам; в их склонении различались два варианта: мягкий и твердый. По твердому варианту изменялись местоимения *онъ*, *оно*, *она*, *сам*, *ино*, *ина*, *тъ*, *та*, *то*, *каждъ*, *всякъ*. По мягкому варианту изменялись местоимения *и*, *я*, *е*, *мой*, *твой*, *нашъ*, *свой*.

В склонении неличных местоимений произошли значительные изменения.

История склонения указательных местоимений *и*, *я*, *е* тесно связана с историей склонения личных местоимений 3-го лица, в роли которых они начали употребляться еще в дописьменный период. В именительном падеже единственного числа местоимения *и*, *я*, *е* были вытеснены другими местоимениями *онъ*, *она*, *оно*, *они*. В косвенных падежах были усвоены формы указательных местоимений *и*, *я*, *е* (*его*, *ее*, *им*, *ей*, *ему*).

Причиной вытеснения местоимений *и*, *я*, *е* является 1) краткость форм указательных местоимений *и*, *я*, *е*, так как язык не терпит кратких форм указательных местоимений; 2) омонимичность этих местоимений другим грамматическим формам (*и* = союз *и*; *я* = личное местоимение 1-го лица единственного числа *я*); 3) винительный падеж совпадает с родительным падежом независимо от того, относится предмет к одушевленным или неодушевленным.

В родительном и винительном падеже местоимения мужского и среднего рода (*и*, *е*) претерпели значительные изменения. Как и у прилагательных, форма *его* в условиях быстрого темпа про-

изношения в северно-великорусских говорах изменилась: звук *г* взрывной изменился сначала в *г* фрикативный (*е[г]о* → *е[h]о*), а затем согласный утратился, образовав форму [ео], после чего между гласными развился близкий по артикуляции звук [в]. Написание *его* вместо *ево* поддержано традиционным принципом написания.

В родительном падеже местоимение женского рода *е*ѣ изменилось в *её* в связи с ранней заменой звука [ѣ] на звук [э] после йота *j*. В памятниках письменности и в литературном языке XIX века встречается форма *ея*, представляющая собой искусственную передачу старославянской формы местоимения *я* в родительном падеже.

В творительном и местном падеже местоимений мужского и среднего рода после утраты редуцированных произошло отвердение согласного: *имь* → *им, о немь* → *о нём*.

Во множественном числе в связи с тенденцией к унификации все местоимения усвоили единую форму *они*, являющуюся древней формой мужского рода множественного числа.

В склонении местоимений 3-го лица *он*, *она*, *оно*, *они*, образованных от указательных, в современном русском языке после предлога наблюдается прибавление согласного [*н*]: *встречусь с ним*. Эта особенность объясняется исторически наличием в общеславянском языке предлогов *кън*, *вън*, *сън*. Когда начал действовать закон открытого слога, произошел процесс переразложения и согласный [*н*] от предлога перешел к местоимению, что привело к появлению предлогов *къ*, *въ*, *съ* (*кън ему* → *къ нему*; *сън имь* → *съ нимь*; *вън емь* → *въ немь*). В современном русском языке сохраняются слова с этимологическими приставками *кън*, *вън*, *сън*: *внушить*, *внимательный*, *снимать*, *князь*. А затем по аналогии вставное [*н*] появилось после других предлогов, никогда его не содержащих: *после него*, *около неё*, *перед ним*.

В склонении указательных местоимений *тъ*, *та*, *то* произошли небольшие изменения. В именительном падеже *тъ* изменилось в *тот*, так как редуцированный [ъ] в сильной позиции изменился в гласный полного образования [о], в результате чего совпали формы мужского рода *то* и среднего рода *то*. Омонимическое отталкивание привело к тому, что форма мужского рода *то* была вытеснена формой с удвоенным согласным *тътъ*, известной еще в древнерусском языке и изменившейся после утраты редуцированных в *тот*. В родительном падеже наблюдаются изменения как у прилагательных:

того → *тоѥо* → *тоо* → *тово*, однако написание *того* традиционно сохранилось до настоящего времени.

Форма женского рода родительного падежа единственного числа *тоѣ* под влиянием дательного и местного падежей вытеснилась формой *тои*, которая в дальнейшем из-за редукции конечного гласного *и* превратилась в современную форму *той*.

Во множественном числе под влиянием косвенных падежей и двойственного числа в именительном и винительном падежах были утрачены родовые различия и установилась единая форма местоимения *те*: *те книги*, *города*, *сёла* вместо древних *ты книгы*, *ти городи*, *та села*.

В истории неличных местоимений наблюдается взаимодействие твердого и мягкого вариантов. Некоторые местоимения твердого варианта усвоили окончания мягкого варианта во множественном числе, например: *самих*, *самим*, *самими* (под влиянием местоимений *моих*, *моим*, *моими*).

Местоимение *этот* образовалось путем присоединения указательной частицы *э*, которая могла употребляться перед местоимением и предлогом: *на этом* – *э на том*. Затем предлог стал повторяться перед частицей и местоимением: *на э на том*, что привело к появлению в южно-великорусских говорах формы *энтот*, а в литературном языке формы *этот*.

Указательное местоимение *сь* в XVII веке было вытеснено местоимением *этот*, однако формы *се*, *сей* сохранялись вплоть до XIX века. Их остатки находим в словах *сегодня*, *сейчас*, *до сих пор*, *ни с того ни с сего*.

Местоимения *къто*, *чьто* в древнерусском языке не изменялись по родам и имели формы только единственного числа: *къто* – для одушевленных существительных, *чьто* – для неодушевленных существительных. Их склонение претерпело изменение. Ср.:

Им. п.	*къто*, *чьто*
Род. п.	*кого*, *чего*
Дат. п.	*кому*, *чему*
Вин. п.	*кого*, *чьто*
Тв. п.	*цѣмь*, *чимь*
Местный п.	*комь*, *чемь*.

После утраты редуцированных произошло отвердение согласного [м] в творительном и местном падеже; местоимение *къто*

изменилось в *хто*, местоимение *чьто* – в *што* в результате диссимиляции согласных. Форма родительного падежа *кого*, *чего* в произношении изменилась в *ково*, *чево* в результате цепочки превращений: *кого*, *чего* → *коho*, *чеho* → *коо*, *чео* → *ково*, *чево*. Форма творительного падежа *цѣмь* изменилась в *кем* в результате действия закона грамматической аналогии – выравнивания основы; форма *чимь* → *чем* под влиянием твердого варианта на мягкий [Сумникова Т.А. 1999: с. 91–97].

Таким образом, в результате различных изменений в XVII веке сложилась современная система местоимений.

ИСТОРИЯ ГЛАГОЛА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Древнерусский язык к началу письменного периода характеризовался богатством глагольных форм. Различались спрягаемые и неспрягаемые глагольные формы (инфинитив, причастие, супин). Уже в этот период глагол как часть речи резко противопоставлялся именам. На это указывают такие грамматические признаки глагола, как лицо, время, наклонение, залог. Только род и число являются общими с именами признаками глагола.

Инфинитив – начальная форма глагола – восходит к дательному падежу существительного с основой на *-i* краткое (типа *кость*), на что указывают омонимичные с существительными формы глаголов *знать*, *печь*, *течь*. Следовательно, инфинитив – это застывшая именная форма.

В современном русском языке инфинитив оканчивается на *-ти*, *-ть*, *-чь*. Это объясняется теми историческими изменениями, которые произошли в древнерусский период. В древнерусском языке инфинитив имел только суффикс *-ти*, который присоединялся к основе: *нес+ти* → *нести*; *зна+ти* → *знати*; *писа+ти* → *писати*; *дари+ти* → *дарити*. Инфинитив на *-ти* сохранился в современном русском языке только в ударном положении: *везти*, *брести*, *грести*. В безударном положении конечный гласный [и] редуцировался и утратился, тогда как мягкость согласного осталась и обозначается на письме буквой мягкий знак: *возить*, *носить*, *гулять*, *строить*. Так возник инфинитив на *-ть*.

В современном русском языке инфинитив может оканчиваться на суффикс *-чь*, который возник в результате изменений сочетаний

гт', *кт'* в согласный [ч]. При образовании инфинитива от глаголов с основой на заднеязычный согласный уже в дописьменный период произошло фонетическое изменение: *мог+ти → мочи*; *пек+ти → печи*; *берег+ти → беречи*. А затем в безударном положении конечный гласный редуцировался и утратился: *мочь*, *печь*, *течь*, *беречь*, *стеречь*. Так возник инфинитив на *-чь*.

Формы инфинитива на *-ти*, *-чи* существовали до XIII века, после чего начался процесс утраты конечного гласного.

Особенностью образования инфинитива является чередование *д // с*; *т // с*; *б // с*, например: *веду – вести*; *плету – плести*; *гребу – грести*. Это чередование возникло еще в общеславянском языке и связано с действием закона открытого слога, по которому не могли находиться рядом два одинаковых по артикуляции согласных. Упрощение групп согласных *дт*, *тт*, *бт* в результате диссимиляции привело к замене первого согласного на звук [с]: *вед+ти → ведти → вести*; *плет+ти → плетти → плести*; *греб+ти → гребти → грести*.

Супин – это глагольная форма, которая употреблялась после глаголов движения и обозначала цель этого движения. Супин произошел от глагольного имени с основой на *-ъ* в форме винительного падежа [Собинникова В.И. 1984]. Его формообразующим суффиксом были *-тъ* или *-чь* (от глаголов на *-чи*): *искатъ*, *битъ*, *питъ*, *гонитъ*, *течь*. Супин образовывался от глаголов несовершенного вида, при нем, как правило, употребляется существительное в форме родительного падежа. Например, в Смоленской грамоте 1229 г.: «*русину не звати латинина на полѣ битъ ся*». Супин употреблялся до XIV века, а потом заменился инфинитивом. Ср.: *Дети пошли на речку купаться. Летом всей семьей поедем отдыхать на юг.*

В процессе совершенствования грамматического строя развивались новые грамматические значения. Для их выражения язык использовал имеющиеся в нем грамматические средства. Так, современная система спряжения глаголов сложилась на основе древнерусской и связана с развитием новой специфической для славянских языков грамматической категории – категории совершенного и несовершенного вида. В древнерусском языке категория вида была слабо выражена. Те оттенки значения, которые в современном русском языке передаются различными видами, в древнерусском языке передавались специфическими временными формами.

Их было восемь: 1 форма настоящего времени, 4 формы прошедшего времени, 3 формы будущего времени. Лишь к XIV–XV векам оформилась категория вида, завершившая процесс унификации (упрощения) форм времени и установившая то количество форм, которое наблюдается в современном русском языке.

Глагольные формы образовывались от двух основ: основы настоящего времени и основы инфинитива. Основа настоящего времени выделялась, как и в современном русском языке, путем отбрасывания личного окончания, но границы основы различаются, ср.: *несе-тъ*; *двине-тъ*; *знае-тъ*; *хвали-тъ*. От этой основы образовывались личные формы глаголов настоящего времени, формы повелительного наклонения, причастий действительного и страдательного залога настоящего времени: *знаю*, *знаи*, *знаемъ (знаема*, *знаемо)*, *зная*, *знаючи.*

Основа инфинитива выделялась путем отбрасывания суффикса *-ти*: *нес-ти*; *двину-ти*; *зна-ти*; *хвали-ти.* От основы инфинитива образовывались инфинитив, личные формы аориста, имперфекта, форм несклоняемых причастий на *-лъ*, *-ла*, *-ло*, склоняемых причастий действительного и страдательного залога прошедшего времени, формы супина: *знати*, *знахъ*, *зналъ (знала*, *знало)*, *знавъ*, *знавъши*, *знатъ.*

Формы настоящего времени не претерпели значительных изменений. Это относится и к значению форм настоящего времени, и к их формообразованию. Так, в древнерусском языке существовало тематическое и нетематическое спряжение.

В зависимости от того, на какой звук оканчивалась основа, различались тематические и нетематические глаголы.

У тематических глаголов основа настоящего времени оканчивалась тематическими гласными *-е*, *-и*. Например: *несу*, *нес-е-ши*, *нес-е-ть*, *нес-е-мъ*, *нес-е-те*, *нес-уть*, *нес-е-в*ѣ, *нес-е-та*. Настоящее время в древнерусском языке указывало, что действие совершается в момент речи или является постоянным, свойственным предмету, то есть как и в современном русском языке.

В процессе исторического развития с образованием категории вида настоящее время стало образовываться только от глаголов несовершенного вида. В большинстве форм произошли лишь небольшие фонетические изменения, связанные с утратой редуцированных и изменением *е* в *о* [Кукушкина О.В., Шевелева М.Н. 1991: с. 38–49].

В 1-м лице единственного числа тематических глаголов закрепилось единое окончание *-у* (*-ю*).

Во 2-м лице единственного числа древнее окончание *-ши* изменилось в *-шь* в результате сокращения конечного гласного [и] в редуцированный [ь], а затем и полной его утраты. В современной орфографии эти формы пишутся с мягким знаком на конце по традиционному принципу написания, указывая на историческую мягкость шипящего.

В 3-м лице единственного и множественного числа древнее мягкое окончание *-ть* заменилось твердым [т]. С.П. Обнорский, развивая точку зрения Ф.Ф. Фортунатова, отмечает, что форма глагола на [т] возникла на основе форм без [т], отмечаемых в древних памятниках письменности, например в «Остромировом Евангелии» 1056–1057 гг. Формы без [т] указывали на действие неопределенного предмета, а формы с [т] – на действие определенного предмета. Но существовали они одновременно. Для усиления значения субъекта действия присоединялось указательное местоимение: *тъ* – указательное местоимение мужского рода единственного числа; *ть* из *ти* – указательное местоимение мужского рода множественного числа. Таким образом, формы с твердым [т] в окончаниях 3-го лица единственного и множественного числа являются по происхождению местоименными [Трахтенберг О.М. 1984].

В современном русском языке тематические гласные входят в состав окончания: *-ешь*, *-ет*, *-ем*, *-ете*; *-ишь*, *-ит*, *-им*, *-ите*. В зависимости от гласного различают глаголы первого и второго спряжения: глаголы первого спряжения имеют в окончании гласный *-е-* (бывший тематический гласный основы); глаголы второго спряжения имеют в окончании гласный *-и-* (бывший тематический гласный основы).

У нетематических глаголов личные окончания присоединялись непосредственно к корню без соединительных гласных. Их было четыре: *быти*, *дати*, ѣ*сти* «кушать», *вѣдѣти* «знать», полутематический глагол *имѣти* (их личные формы 1-го л. ед. ч. – *есмь*, *дамь*, ѣ*мь*, *вѣмь*, *имамь*; 2-го л. ед. ч. – *еси*, *даси*, ѣ*си*, *вѣси*, *имаши*).

Нетематические глаголы как особый класс утратились. Глаголы *вѣдѣти*, *имѣти* стали спрягаться как тематические глаголы. От глагола *быти* в современном русском языке сохранились только формы 3-го лица единственного и множественного числа настоящего времени *есть*, *суть*, которые используются как глагольные связки в составном именном сказуемом. Их употребление огра-

ничено книжным литературным языком. Ср.: *Что есть истина? Люди, житье-бытье которых составит предмет этого рассказа, суть жители Старогородской соборной поповки* (Н.С. Лесков). В настоящее время формы 2-го лица единственного числа сохраняются в поговорках (*сам не еси и другим не даси*) или используются в стилистических целях («*Ах ты гой еси, правда-матушка*». А.К. Толстой). Остатки форм 3-го лица единственного числа сохранились во фразеологизмах *несть числа*, *невесть откуда*, *бог весть*.

Глаголы *дать*, *есть* («кушать») сохраняют до настоящего времени особенности архаического спряжения в формах единственного числа с небольшими изменениями, ср.: ѣ*мь* → *ем*; *дамь* → *дам*; ѣ*си* → *ешь*; *даси* → *дашь*; ѣ*сть* → *ест*; *дасть* → *даст*. В 1-м лице единственного числа после падения редуцированных произошло отвердение конечного согласного [м]: *ем*, *дам*. Во 2-м лице единственного числа формы *ешь*, *дашь* являются по происхождению формами 2-го лица единственного числа повелительного наклонения (ѣ*жь*, *дажь*). В 3-м лице единственного числа после падения редуцированных произошло отвердение конечного согласного [т]: *ест*, *даст*. В 1-м и 2-м лице множественного числа обнаруживается влияние повелительного наклонения *дадим*, *едим*, *дадите*, *едите*. В 3-м лице множественного числа старая форма *едят* сохранилась, но с отвердением конечного согласного [т]; форма *дадут* – старая форма, которая вытеснила древнюю форму *дадять*.

Значение прошедшего времени передавалось 4 формами: 2 простыми (аористом, имперфектом), 2 сложными (перфектом и плюсквамперфектом) [Маслов Ю.С. 2004: с. 445–476].

Аорист был наиболее распространенным в древнерусском языке. По значению он приближался к глаголам совершенного вида и обозначал завершенное, единое, не расчлененное на составляющие части прошедшее действие, иногда мгновенное. Аорист образовывался от основ, ставших впоследствии глаголами совершенного вида, но мог образовываться и от основ несовершенного вида, например: «*Ольга собра вои… храбры и иде на деревьску землю*» («Повесть временных лет» под 6454 г.), «*и придохомъ в н*ѣ*мци… а красоты не вид*ѣ*хомъ*» (там же под 6495 г.). При развитии совершенного и несовершенного вида аорист усвоил значение совершенного вида.

Аорист образовывался от основ инфинитива различным способом в зависимости от конечного звука основы. Если основа инфинитива

оканчивалась на гласный, то личное окончание 1-го лица единственного числа *-хъ* присоединялось непосредственно к основе инфинитива, во 2–3-м лице единственного числа чистая основа: *писа-хъ*, *проси-хъ*, *да-хъ*, *прия-хъ*, *бы-хъ*; *писа*, *проси*, *да*, *прия*, *бы*. Если основа инфинитива оканчивалась на согласный, то личное окончание 1-го лица единственного числа *-хъ* присоединялось к основе инфинитива при посредстве соединительного гласного *о*, а во 2–3-м лице при посредстве соединительного гласного *е*: *несохъ*, *ведохъ*, *могохъ*, *пекохъ*; *несе*, *веде*, *може*, *пече*.

Во множественном числе аорист имел окончания: 1-е лицо *-омъ*, 2-е лицо *-те*, 3-е л. *-ша*: *несохомъ*, *несосте*, *несоша*; *писахомъ*, *писасте*, *писаша*.

В двойственном числе аорист имел окончания: 1-е лицо *-ховѣ*, 2–3-е лицо *-ста*: *несоховѣ*, *несоста*; *писаховѣ*, *писаста*.

Имперфект по значению приближался к глаголам несовершенного вида и обозначал прошедшее незавершенное, длительное, не законченное во времени, иногда повторяющееся действие. Например, в I Новгородской летописи по Синодальному списку рассказывается о голоде в Новгородской области в 1215 году: «*кадъ ржи коупляхуть по •д• (10) гр(иве)нъ*» (людям приходилось очень дорого платить за рожь, но они все-таки покупали, а многие из них по нескольку раз).

Имперфект образовывался от основ несовершенного вида, хотя мог образовываться от основ, ставших потом глаголами совершенного вида. К основе инфинитива присоединялся суффикс *-а- (-’а-)* и личное окончание: *нес-я-хъ*, *вид-я-хъ*, *им-я-хъ*, *нош-а-хъ*, *купл-я-хъ*, *ид-я-хъ*.

С развитием совершенного и несовершенного вида имперфект усвоил значение несовершенного вида. Обе простые формы прошедшего времени – аорист и имперфект – утратились в разговорной речи к XIII веку, хотя в книжно-литературном языке аорист существовал вплоть до XIV века. Его находим в «Слове о полку Игореве», сочинениях Владимира Мономаха, житиях, летописях.

Остатками аориста являются частица сослагательного наклонения *бы* и частица *чу*. Древние формы аориста встречаются в пословицах: *Одним махом семерых убивахом*, а также в художественной литературе для исторической и речевой стилизации эпохи: *И царь Иван умре. На бренных сих листах не дописах поспешно или переписах* (А.К. Толстой). К древним формам аориста относятся глаголы мгновенного действия, или глагольные междометия: *скок*,

прыг, *хлоп*, *бряк*, *шмыг*, *хвать*; глаголы, имеющие форму повелительного наклонения, но обозначающие прошедшее действие, типа *она возьми да убеги*.

Сложные формы прошедшего времени образовывались от особых несклоняемых кратких действительных причастий прошедшего времени на *-л* (*неслъ*, *-а*, *-о*; *пеклъ*, *-а*, *-о*; *писалъ*, *-а*, *-о*; *просилъ*, *-а*, *-о*) и спрягаемой формы вспомогательного глагола *быти*. Причастия на *-л* могли употребляться и в полной форме, их остатками являются отглагольные прилагательные типа *бывалый*, *кислый*, *обветшалый*, *запоздалый*, *устарелый*, *усталый*, *блёклый*, *пришлый*, *прошлый*, *спелый*.

Перфект обозначал такое прошедшее действие, результат которого имеется в настоящем, в момент высказывания. Для этого использовалось причастие прошедшего времени в сочетании с формой настоящего времени вспомогательного глагола [Петрухин В.П. 2004]. Например, в грамоте Мстислава около 1130 г. говорится: «*се азъ повелѣлъ есмь*»; в «Слове о полку Игореве» Ярославна плачет: «*О, Днепре, Словотицю, ты пробилъ еси каменныя горы… ты лелѣялъ еси на себѣ Святославли носады…*»

Древние причастия на *-л* образовывались от основы инфинитива прибавлением суффикса *-л-* и родовых окончаний *-ъ*, *-а*, *-о*: *кололъ*, *колола*, *кололо*; *просилъ*, *просила*, *просило*.

В образовании причастий на *-л* наблюдаются особенности, связанные с историческими изменениями:

– в глаголах на *-сти* (*вести*, *плести*), где *с* произошло из сочетаний *тт*, *дт*, причастие образовывалось от первичной основы: *вед+л+ъ*; *плет+л+ъ*, но в результате упрощения групп согласных *дл*, *тл* перешло в *л*: *велъ*, *-а*, *-о*; *плелъ*, *-а*, *-о*;

– в глаголах на *-чи*, где *ч* – из сочетаний *гт'*, *кт'*, причастия образовывались от первичной основы: *тек+л+ъ*, *-а*, *-о*, но после утраты редуцированных произошло упрощение групп согласных путем утраты суффикса *-л-*: *тек*, *стерёг*, *нёс*, *пас*, но *текла*, *стерегла*, *несла*, *пасла*.

К причастию на *-л* присоединялась форма настоящего времени вспомогательного глагола *быти (есмь*, *еси*, *есть*, *есмъ*, *есте*, *суть)*: 1-е л. ед. ч. *любилъ*, *-а*, *-о есмь*; 2-е л. ед. ч. *любилъ*, *-а*, *-о еси*; 3-е л. ед. ч. *любилъ*, *-а*, *-о есть*; 1-е л. мн. ч. *любили*, *-ы*, *-а есмъ*; 2-е л. мн. ч. *любили*, *-ы*, *-а есте*, 3-е л. мн. ч. *любили*, *-ы*, *-а суть*.

По своему значению перфект сначала заметно отличался и от аориста, и от имперфекта. Однако момент указания на лицо,

совершившее известное действие, играл большую роль, и эта роль возросла, когда вспомогательный глагол стал опускаться. Первоначальное значение перфекта стало утрачиваться. Все чаще его начинают употреблять вместо аориста и имперфекта. На это повлияло и то, что формы 2–3-го лица единственного числа в перфекте различались, а в аористе и имперфекте совпадали, к тому же перфект образовывался от глаголов совершенного и несовершенного вида, что способствовало расширению значения перфекта и вытеснению им аориста и имперфекта. Перфект с помощью форм вида с течением времени получил способность передавать самые разнообразные оттенки значения прошедшего действия [Пожарицкая С.К. 1991: с. 268–279].

В связи с расширением значения перфекта и утратой им значения результативности действия вспомогательный глагол-связка стал не нужен, и его начали опускать. Так из сложной формы перфект превратился в простую форму. Уже в надписи 1068 г. на Тмутаранском камне наблюдается отсутствие связки в 3-м лице единственного числа: «*Глѣбъ князь мѣрилъ море*» (вместо *мѣрилъ есть*).

Таким образом, в современном русском языке сохранился только перфект, утративший вспомогательный глагол, а также изменение по лицам. От перфекта сохранилось причастие на *-л*, в котором исчезли родовые различия во множественном числе и закрепилась форма мужского рода во множественном числе. Причастия на *-л*, став единой всеобщей формой, выражающей значение прошедшего времени, перешли в разряд глаголов. Современные формы прошедшего времени изменяются по родам и числам, но не изменяются по лицам, что объясняется их происхождением.

Плюсквамперфект (давнопрошедшее время) обозначал такое прошедшее действие, которое происходило раньше другого прошедшего действия. В состав плюсквамперфекта входило причастие на *-л* и спрягаемые формы глагола *бытии* в аористе, имперфекте и перфекте. Плюсквамперфект утратился вместе с аористом и имперфектом, с помощью которых он образовывался. Его пережитком принято считать обороты с начавшимся, но незавершенным действием (*пошёл было*, *но остановился*), а также сказочный зачин *жили-были*. Значение плюсквамперфекта было сохранено формами глагола на *-л* с суффиксами *-а-*, *-ыва-*, *-ива-* (*сиживал*, *писывал*, *пивал*, *живал*), которые были широко распространены еще

в XIX веке. В настоящее время их употребление сужено, а значение плюсквамперфекта передается в большей степени с помощью наречий [Молошная Т.Н. 1996: с. 564–573].

Развитие категории вида обусловило изменение в формах будущего времени. Вместо трех форм сохранилось две формы будущего времени. Будущее сложное второе утратилось.

Простое будущее время возникло уже к XI веку и ничем не отличалось от форм настоящего времени. Оно могло образовываться от глаголов, ставших впоследствии глаголами совершенного и несовершенного вида. Лишь с развитием видовой корреляции будущее простое время закрепилось за глаголами совершенного вида. Как отмечает В.И. Собинникова, современное значение будущее простое время получило к XVII веку, четко отделившись от форм настоящего времени.

Будущее сложное первое время в древнерусском языке состояло из вспомогательного глагола *начьну*, *хочу*, *почьну*, *иму*, изменявшегося по лицам и числам, и инфинитива спрягаемого глагола (*начьну писати*; *хочу говорити*; *почьну просити*; *иму любити*). Глагол *быти* в качестве вспомогательного глагола употреблялся редко, его употребление отмечается с XV века, и к XVII веку он окончательно закрепился в качестве вспомогательного глагола, вытеснив другие. Закрепление этого глагола в будущем сложном первом времени объясняется тем, что из всех вспомогательных глаголов формы *буду*, *будетъ*… являются наиболее формальными и абстрактными по значению. С развитием категории совершенного и несовершенного вида будущее сложное первое время закрепляется за глаголами несовершенного вида и противопоставляется будущему простому совершенного вида.

Сложное будущее второе время в древнерусском языке употреблялось в условных придаточных предложениях и обозначало действие, происходящее после момента речи, но до другого действия, как бы предварительное будущее время. Будущее второе образовывалось из спрягаемых форм глагола *быти* в будущем времени и причастия на *-л* прошедшего времени (*буду послалъ*, *будемъ послали*). В связи с тем, что причастие на *-л* стало глаголом прошедшего времени, утрачивается сложное будущее второе, в состав которого входило это причастие. Сложное будущее второе вышло из употребления к XVI веку.

Кроме изъявительного наклонения, в древнерусском языке были сослагательное и повелительное наклонения, которые выражали действие ирреальное – возможное или желательное.

Сослагательное наклонение имело сложные формы и состояло из глагола *бытии* в аористе и причастия на *-л* спрягаемого глагола:

Ед. ч. *быхъ*, *бы*, *бы зналъ*, *-а*, *-о*

Мн. ч. *быхомъ*, *бысте*, *быша знали*, *-ы*, *-а*

Двойств. ч. *быхов*Ѣ, *бысто*, *бысто знала*, -Ѣ, -Ѣ

От спрягаемых форм в современном русском языке сохранилась только форма 2–3-го лица единственного числа (*знал*, *-а*, *-о бы*), где *бы* стала частицей, а причастие на *-л* совпало с формой прошедшего времени глагола, однако прошедшего времени не выражает. Первые примеры закрепления *бы* как частицы зафиксированы в памятниках XIII века, например в «Слове о полку Игореве»: «*а бы ты сіа плъкы ущекоталъ*»; «*аще бы ты былъ*, *то была бы чага по ногате*». Частица *бы* является частью союза *чтобы*, *дабы* при наличии формы глагола на *-л* сослагательного наклонения.

Повелительное наклонение пережило значительные изменения в своем составе. Оно имело не только единственное и множественное, но и двойственное число; во множественном и двойственном числе повелительное наклонение имело две личные формы: 1-го и 2-го лица.

При образовании повелительного наклонения в древнерусском языке использовалась основа настоящего времени. В единственном числе все глаголы оканчивались на *-и*: *неси*, *вези*, *посылаи*, *читаи*, *знаи*, *постави*. Во множественном числе различалось два суффикса: -Ѣ- в глаголах 1-го спряжения твердого варианта (*вез*Ѣ*мъ*, *вез*Ѣ*те*), *-и-* в глаголах 1-го спряжения мягкого варианта и глаголах 2-го спряжения (*читаимъ*, *читаите*; *поставимъ*, *поставите*).

Повелительное наклонение нетематических глаголов имело свои особенности в образовании форм:

Ед. ч. 2-е л. *дажь*, 3-е л. *дажь*

Мн. ч. 1-е л. *дадимъ*, 2-е л. *дадите*

Двойств. ч. 1-е л. *дадивẽ*, 2-е л. *дадита*.

В образовании форм повелительного наклонения произошли следующие изменения:

1) исчезла форма 3-го лица единственного числа, заменившись аналитической формой с частицей *пусть*, *пускай* при форме глагола 3-го лица настоящего времени: *пусть читает*, *пускай говорит*;

2) утратились формы двойственного числа;

3) суффикс повелительного наклонения *-и-* сохранился без изменения под ударением: *плети*, *неси*, *вези*, *веди*, *сиди*, *иди*. В безударном

положении произошло сокращение суффикса *-и-* в звук [*й*], а также в редуцированный *-ь*, который затем утратился: *сядь*, *подготовь*, *читай*, *знай*, *поступай*. Во 2-м лице множественного числа произошло выравнивание гласного в суффиксе: в результате обобщения основ во множественном числе повелительное наклонение стало образовываться при помощи суффикса *-и-*: *ведите*, *сидите*. Суффикс -Ѣ- утратился, он был вытеснен суффиксом *-и-* глаголов мягкого варианта. Закрепление суффикса *-и-* поддерживалось его употреблением во 2-м лице единственного числа. В безударном положении наблюдается влияние единственного числа: *читай – читайте*; *встань – встаньте*;

4) формы 1-го лица множественного числа стали совпадать с формами изъявительного наклонения уже в XII веке. Этому способствовало изменение [*ẽ*] в гласный [*е*] и редукция ѣ в изъявительном наклонении. В русском языке образовалась новая форма повелительного наклонения в результате контаминации (соединения) 1-го лица настоящего времени и суффикса *-те-* (2-е л. мн. ч.): *идём+те → идёмте*, *несём +те → несёмте*.

5) утратилось чередование звуков, связанное с явлением II палатализации заднеязычных согласных: *помози → помоги*; *пьци → пеки.*

Таким образом, основные изменения в системе глагольных форм обусловливались развитием грамматической категории совершенного и несовершенного вида. В результате стало возможным изменением одной основы передавать различные оттенки значений, которые раньше выражались временными формами (такое явление сохранилось в германских языках). Все это повлекло за собой утрату разветвленной системы временных форм и сохранение только одной формы прошедшего времени – перфекта, так как он образовывался от глаголов совершенного и несовершенного вида [Собинникова В.И. 1984].

С развитием категории совершенного и несовершенного вида оформляются формы настоящего и будущего времени. Изменение форм настоящего и простого будущего времени совпало, так как они отличаются только видовой принадлежностью. Формы будущего сложного от глаголов несовершенного вида образуются при помощи форм одного вспомогательного глагола *быть*, поскольку у него нет никаких оттенков значения, кроме значения будущего времени.

В 3-м лице единственного и множественного числа с XIV века наблюдается отвердение конечного звука [т], что обусловлено действием

закона омонимического отталкивания от инфинитива: *пишет*, *пишут* из *пишеть*, *пишуть*.

К XIX веку утрачивается спряжение глаголов в условном наклонении. От вспомогательного глагола сохранилась форма 2–3-го лица единственного числа, превратившаяся в частицу – показатель условного наклонения.

Причастие существовало в глубокой древности, в общеславянском языке-основе. В древнерусском языке причастия были действительного и страдательного залога, настоящего и прошедшего времени, краткой и полной формы.

Краткие действительные причастия настоящего времени образовывались от основ глаголов настоящего времени при помощи суффиксов *-уч-*; *-'уч-*; *-'ач-*, например: в им. п. ед. ч. жен. роде *везучи*, *читаючи*, *пилячи*, *несучи*, *колючи*, *пишучи*, *слышачи*. Нетематические глаголы имели разные суффиксы, но в процессе исторического развития усвоили суффикс *-уч-*, например: в им. п. ед. ч. жен. роде *будучи*, *дадучи*, *Ѣдучи*.

Одновременно с русскими причастиями употреблялись старославянские причастия с суффиксами *-ущ-*, *-ащ-*. В суффиксах русских и старославянских причастий гласный [у] восходит к *о* носовому; гласный [а] – к *е* носовому; согласные [ч], [щ] являются вторичными образованиями из сочетания *тj*, которое изменилось в русском языке в звук [ч], а в старославянском – в звук [щ].

Суффиксы действительных причастий настоящего времени восходят к индоевропейским суффиксам *-ent-*, *-ont-*, сохранившимся в германских языках (*президент*, *претендент*) [Иванов В.В. 1990].

В мужском и среднем роде в именительном падеже единственного числа указанные выше суффиксы отсутствовали и окончание *-а (-'а)* присоединялось к согласному основы, в результате чего возникали формы *неса*, *веда*, *пека*, *мога*; *коля*, *пиша*, *прося*, *видя*.

Краткие причастия изменялись по родам, числам, падежам и согласовывались с существительным, например, в «Повести временных лет»: «*И вышедше изъ града изъ Коръстеня деревляне убиша Игоря и дружину его*, *бо бе ихъ мало*». Краткое причастие *вышедше* согласуется с существительным *деревляне* в мужском роде единственного числа именительного падежа. Однако уже к XIII веку употребление причастий в качестве определения в письменной речи почти отсутствовало. Обычно они употреблялись в форме именительного падежа в роли второстепенного ска-

зуемого. Первые случаи нарушения согласования относятся к XII веку, особенно много их в летописях, например: «*помоливъши ся епископъ рече*» – причастие *помоливъши* употреблено в форме женского рода при существительном мужского рода *епископ*.

С течением времени краткие причастия действительного залога настоящего времени перестали изменяться по родам, числам, падежам и окончательно превратились в деепричастия. При этом в качестве общей формы деепричастия в литературном языке установилось употребление формы на *-а (-я)* от глаголов несовершенного вида: *неся*, *коля*, *прося*. В живой разговорной речи наравне с указанной употреблялась форма на *-учи (-ючи)* и *-ячи*, восходящая к форме именительного падежа единственного числа женского рода: *идучи*, *играючи*, *сидючи*, *глядючи*, *смеючись*. Форма на *-учи* является обязательной при образовании деепричастия *будучи* от глагола *быть*.

В художественной литературе XVIII–XIX века формы на *-учи (-ючи)* употребляются для стилизации под народную речь, например: *По тесовым кровелькам <u>играючи</u>, тучки серые <u>разгоняючи</u>, заря алая поднимается* (М.Ю. Лермонтов, «Песня про купца Калашникова»).

Краткие действительные причастия прошедшего времени образовывались от основы инфинитива и прошедшего времени при помощи суффиксов:

– *-ъш-*, если основа оканчивалась на согласный, например, в жен. роде ед. ч. им. п.: *несъши*, *ведъши*, *пекъши*, *шедъши*, *възмъши*;

– *-въш-*, если основа оканчивалась на гласный, например, в жен. роде ед. ч. им. п.: *писавъши*, *просивъши*, *видѣвъши*, *давъши*.

В мужском и среднем роде единственного числа именительного падежа звук [ш] отпадал и наблюдались формы *несъ*, *ведъ*, *писавъ*, *просивъ*, *шьдъ*.

Причастия прошедшего времени также утратили свое склонение и синтаксическую функцию, превратившись в деепричастия. Они образовывались от глаголов совершенного вида, причем сохранили только одну форму именительного падежа единственного числа

– мужского и среднего рода: *взявъ*, *написавъ*, *купивъ*, *попросивъ*;

– женского рода: *взявши*, *написавши*, *купивши*, *попросивши*.

Форма женского рода у невозвратных глаголов в настоящее время стилистически ограничена просторечием, тогда как возвратные глаголы требуют обязательного суффикса *-вши-*, ср.: *умывшись*, *встретившись*, *закрывшись*, *одевшись*, *собравшись*. Однако еще

в XIX веке форму на *-вши-* можно найти у невозвратных глаголов, например: «*Скрестивши могучие руки*, *главу опустивши на грудь*, *идёт и к рулю он садится и быстро пускается в путь*» (М.Ю. Лермонтов, «Воздушный корабль»).

Таким образом, краткие действительные причастия настоящего и прошедшего времени в древнерусском языке обладали большой предикативной силой и совмещали в себе значение современных причастий и деепричастий. В процессе исторического развития они утратили способность изменяться по родам, числам, падежам и перестали употребляться в роли определения. Превратившись к XIV веку в неизменяемую форму, они примкнули к глаголу, к которому издавна тяготели, и образовали новую грамматическую категорию – категорию деепричастий.

В роли деепричастий несовершенного вида закрепились формы именительного падежа единственного числа мужского и среднего рода настоящего времени. Причем для их образования используется суффикс *-я-*: *гуляя*, *наблюдая*, *отвечая*, *видя*. В роли деепричастий совершенного вида закрепилась форма именительного падежа единственного числа мужского и среднего рода прошедшего времени: *прогуляв*, *ответив*, *увидев*, а в возвратных деепричастиях – форма именительного падежа единственного числа женского рода прошедшего времени: *возвратившись*, *отметившись*, *наговорившись*.

Происхождение деепричастий из кратких действительных причастий в современном русском языке проявляется в том, что они всегда относят действие к подлежащему, определением которого они в прошлом являлись. Например, предложение *Совершив мою молитву*, *я испытал чувство ярости* грамматически правильно построено, но нельзя употреблять его так, как оно встречается у А.Н. Радищева в «Путешествии из Петербурга в Москву»: «*Совершив мою молитву*, *ярость вступила в мое сердце*».

Полные действительные причастия настоящего и прошедшего времени образовывались путем прибавления к кратким формам соответствующих форм местоимений *и*, *я*, *е*. В именительном падеже под влиянием полных прилагательных установились формы настоящего времени – *несучий*, *несучая*, *несучее*; *колючий*, *колючая*, *колючее*; *просячий*, *просячая*, *просячее*; прошедшего времени – *нёсший*, *нёсшая*, *нёсшее*; *коловший*, *коловшая*, *коловшее*; *просивший*, *просившая*, *просившее*.

Утратив признаки глагола, полные действительные причастия настоящего времени перешли в прилагательные: *летучий*, *жгучий*, *горючий*, *горячий*, *бродячий*, *лежачий*, *стоячий*, *висячий*.

В современном русском языке сохранились причастия со старославянскими суффиксами *-ущ- (-ющ-)*, *-ащ- (-ящ-)*: *летящий*, *жгущий*, *горящий*, *бродящий*, *лежащий*, *стоящий*, *висящий.*

Краткие страдательные причастия настоящего времени образовывались при помощи суффикса *-м-* и родовых окончаний от основы настоящего времени, которая оканчивалась на *-о*, *-е*, *-и* в зависимости от класса глагола: *несомъ*, *-а*, *-о*; *ведомъ*, *-а*, *-о*; *знаемъ*, *-а*, *-о*; *просимъ*, *-а*, *-о*.

Краткие страдательные причастия прошедшего времени образовывались от основы инфинитива и прошедшего времени с помощью суффиксов:

– *-т-*, если основа оканчивалась гласными звуками *и*, ѣ, *у*, *ы*, *я* (из ѧ): *начатъ*, *-а*, *-о*; *възятъ*, *-а*, *-о*; *битъ*, *-а*, *-о*; *обутъ*, *-а*, *-о*; *крытъ*, *-а*, *-о*;

– *-н-*, если основа оканчивалась гласным или суффиксальным ѣ: *узнан*, *-а*, *-о*; *видѣнъ*, *-а*, *-о*; *писанъ*, *-а*, *-о*;

– *-ен-*, если основа оканчивалась согласным звуком или суффиксальным *-и-*: *принесенъ*, *-а*, *-о*; *прошенъ*, *-а*, *-о*.

Полные страдательные причастия настоящего и прошедшего времени также образовывались путем прибавления к кратким формам соответствующих форм местоимений *и*, *я*, *е*. В именительном падеже под влиянием полных прилагательных установились формы настоящего времени – *ведомый*, *-ая*, *-ое*; *знаемый*, *-ая*, *-ое*; *просимый*, *-ая*, *-ое*; прошедшего времени – *начатый*, *-ая*, *-ое*; *взятый*, *-ая*, *-ое*; *битый*, *-ая*, *-ое*; *писанный*, *-ая*, *-ое*; *принесённый*, *-ая*, *-ое*. Как видим, причастия с суффиксом *-н-* употребляются только с удвоенным *н*: *занесённый*, *принесённый*, *унесённый*. Второе *н* появилось у причастий под воздействием отглагольных прилагательных: *указьная книга – указаньные земли*. После падения редуцированных гласных образовался суффикс *-нн-*: *прочитанный*, *написанный*, *увиденный*.

Часть причастий с суффиксом *-н-* перешла в прилагательные: *жареная картошка*, *соленые грибы*, *копченый окорок*, *вареное мясо*, *тушеная капуста.* Но при появлении зависимого слова эти слова становятся вновь причастиями с сохранением *-нн-*, ср.:

жаренная в сковороде картошка, *соленные бабушкой грибы*, *копченный на огне окорок*, *недавно варенное мясо*, *тушенная в соусе капуста*.

Страдательные причастия настоящего времени сохранились в современном русском языке, но употребляются очень редко. Расширяя качественное значение, многие из них переходят в прилагательные: *несгораемый шкаф*, *непобедимая Россия*, *мнимая болезнь*, *весомый вклад*, *неразрешимые противоречия*.

Краткие страдательные причастия могут употребляться с нулевой связкой или при связке быть в прошедшем и настоящем времени, например: *Вопрос решён. Вопрос был решён. Вопрос будут решён*. Употребляясь с нулевой связкой, краткие причастия указывают на состояние в момент речи, являющееся результатом действия, происходившего до момента речи, то есть выступают в значении перфекта – действие совершено до момента речи, но результат сохраняется в настоящем (ср.: *Телеграмма отправлена*).

Полные причастия выступают в предложении в роли согласованного определения, например: *Мы выходим на лёд*, *покрытый уже исслеженным снегом*, *ступаем на берег* (И. Соколов-Микитов). В качестве именной части составного именного сказуемого используются только причастия, перешедшие в прилагательные (*Мама была радостная и растроганная*), или причастия, употребляющиеся одновременно при глаголах движения в сложном сказуемом (*Мы вернулись возбуждённые*).

Таким образом, изменения в системе глагольных форм связаны прежде всего с развитием категории совершенного и несовершенного вида, изменением синтаксической функции кратких причастий и явлением грамматической аналогии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аванесов Р.И.* К вопросам периодизации истории русского языка // Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов: доклады советской делегации. – М.: Наука, 1973. – С. 5–13.

2. *Аванесов Р.И.* Проблемы образования языка русской (великорусской) народности // Вопросы языкознания. – 1955. – № 5. – С. 20–42.

3. *Бернштейн С.Б.* Сравнительная грамматика славянских языков. – М.: Изд-во Моск. ун-та; Наука, 2005.

4. *Борковский В.И.*, *Кузнецов П.С.* Историческая грамматика русского языка. – М., 2006.

5. *Булаховский Л.А.* Русский литературный язык первой половины века. – Киев: Изд-во КГУ, 1957.

6. *Виноградов В.В.* История русского литературного языка. – М.: Наука, 1978.

7. *Винокур Г.О.* Русский язык: Исторический очерк // Г.О. Винокур. Избранные труды по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1959. – С. 162–188.

8. *Галинская Е.А.* Историческая фонетика русского языка. – М.: Изд-во Моск. ун-та; Наука, 2009.

9. *Галинская Е.А.* О хронологии некоторых изменений в вокализме праславянского языка // Исследования по славянскому историческому языкознанию: памяти проф. Г.А. Хабургаева. – М., 1993. – С. 42–44.

10. *Гальченко М.Г.* О написаниях с е вместо ять в югозападнорусских рукописях XII–XIV вв. // Русистика. Славистика. Индоевропеистика: сборник к 60-летию А.А. Зализняка. – М., 1996. – С. 50–64.

11. *Гиппиус А.А.* Морфологические, лексические и синтаксические факторы в склонении древнерусских членных прилагательных // Исследования по славянскому историческому языкознанию: памяти проф. Г.А. Хабургаева. – М., 1993. – С. 66–84.

12. *Горшков А.И.* История русского литературного языка. – М.: Просвещение, 1969.

13. *Горшкова К.В.* Историческая диалектология русского языка: пос. для студентов. – М., 1972.

14. *Горшкова К.В.*, *Хабургаев Г.А.* Историческая грамматика русского языка. – М., 1981.

15. *Дурново Н.Н.* Избранные работы по истории русского языка. – М., 2000.

16. *Дурново Н.Н.* Русские рукописи, различающие древнее «акутированное» *о* и *о* другого происхождения // Н.Н. Дурново. Избранные работы по истории русского языка. – М., 2000. – С. 638–643.

17. *Живов В.М.* Палатальные сонорные у восточных славян: данные рукописей и историческая фонетика // Русистика. Славистика. Индоевропеистика: сборник к 60-летию А.А. Зализняка. – М., 1996. – С. 78–86.

18. *Жолобов О.Ф.* Древнеславянские числительные как часть речи // Вопросы языкознания. – 2001. № 2. С. 94–109.

19. *Журавлёв В.К.* Понятие силы нейтрализации. (К проблеме происхождения аканья) // Вопросы филологии: сборник трудов к 70-летию проф. А.Н. Стеценко. – М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1974. – С. 59–61.

20. *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. – М., 2004.

21. *Зализняк А.А.* Новые данные о русских памятниках XIV–XVII веков с различением двух фонем “типа О” // Советское славяноведение. – 1978. – № 3. – С. 74–96.

22. *Зализняк А.А.* От праславянской акцентуации к русской. – М., 1985.

23. *Зализняк А.А.* Правило отпадения конечных гласных в русском языке // А.А. Зализняк. Русское именное словоизменение. – М., 2002. – С. 550–558.

24. *Зализняк А.А.* Противопоставление относительных и вопросительных местоимений в древнерусском // Балто-славянские исследования. 1980. – М.: Наука, 1981. – С. 89–107.

25. *Замкова В.В.* Славянизм как стилистическая категория в русском литературном языке XVIII века / отв. ред. Ю.С. Сорокин. – Л.: Наука, Ленингр. отд-е, 1975.

26. *Иванов В.В.* Историческая грамматика русского языка. – М.: Высш. шк., 1990.

27. *Иванов В.В.*, *Потиха З.А.* Исторический комментарий к занятиям по русскому языку в средней школе: пос. для учителя. – М.: Просвещение, 1978.

28. *Ильинская Т.Г.* Лексика стихотворной речи Пушкина. «Высокие» и поэтические славянизмы. – М.: Наука, 1970.

29. *Камчатнов А.М.* Старославянский язык. – М.: Флинта; Наука, 2000.

30. *Кандаурова Т.Н.* О случаях параллельного употребления неполногласных и полногласных слов-вариантов в памятниках XI–XIV веков // Русская историческая лексикология. – М.: Наука, 1968. – С. 140–153.

31. *Касаткин Л.Л.* Переход *е* в *о* // Л.Л. Касаткин. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. – М., 1999. – С. 372–373.

32. *Касаткин Л.Л.* Переход кы, гы, хы в к'и, г'и, х'и в русском языке // Л.Л. Касаткин. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. – М., 1999. – С.192–197.

33. *Князев С.В.* Дополнительная артикуляция согласных в связи с некоторыми фонетическими изменениями в русском языке // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. – 2002. – № 5.

34. *Князев С.В.* К вопросу о механизме возникновения аканья в русском языке // Вопросы языкознания. – 2000. – № 1. – С. 34–39.

35. *Ковалевская Е.Г.* О судьбе «высокой лексики» в истории русского литературного языка XVIII–XX вв. // Функциональные и социальные разновидности русского литературного языка XVIII в. / отв. ред. В.В. Замкова. – Л.: Наука, Ленингр. отд-е, 1984. – С. 96–117.

36. *Копорская Е.С.* Семантическая история славянизмов русского литературного языка нового времени. – М.: Наука, 1988.

37. *Кузнецов П.С.* О возникновении и развитии звуковых чередований в русском языке // Известия Академии наук СССР. Т. 11. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. – С. 60–87.

38. *Кукушкина О.В.*, *Шевелева М.Н.* О формировании современной категории глагольного вида // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. – 1991. – № 6. – С. 38–49.

39. *Кунгурова А.Т.* К вопросу формирования лексики среднего слога русского литературного языка второй половины XVIII века // Вопросы теории и методики русского языка. Вып. 2. – Чебоксары, 1962. – С. 352–369.

40. *Ларин Б.А.* Лекции по истории русского литературного языка (X – середина XVIII в.). – М.: Высш. шк., 1975.

41. *Левин В.Д.* Традиции высокого стиля в лексике русского литературного языка первой половины XIX века // Материалы и исследования по истории русского литературного языка. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 183–214.

42. *Маслов Ю.С.* Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида // Ю.С. Маслов. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. – М., 2004. – С. 445–476.

43. *Мейе А.* Общеславянский язык. – М.: Издательство иностранной литературы, 1951.

44. *Мещерский Н.А.* А.С. Пушкин – основоположник современного русского литературного языка // Вестник Ленинградского госуниверситета. Вып. 3. № 14. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1974. – С. 80–125.

45. *Мещерский Н.А.* Развитие русского языка в советский период. – Л., 1967.

46. *Молошная Т.Н.* Плюсквамперфект в системе грамматических форм глагола в современных славянских языках // Русистика. Славистика. Индоевропеистика: сборник к 60-летию А.А. Зализняка. – М., 1996. – С. 564–573.

47. *Мустафина Э.К.* Редкая форма имперфекта глагола быти в литературном языке Древней Руси // Исследования по глаголу в славянских языках. История славянского глагола. – М., 1991. – С. 55–61.

48. *Назарова Т.В.* Аканье в украинских говорах // Общеславянский лингвистический атлас: материалы и исследования. 1975. – М., 1977. – С. 211–260.

49. *Обнорский С.П.* Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946.

50. *Петрухин В.П.* Перфект и плюсквамперфект в Новгородской первой летописи по Синодальному списку // Russian Linguistics. – 2004. – V. 28.

51. *Пожарицкая С.К.* Отражение эволюции древнерусского плюсквамперфекта в говорах севернорусского наречия Архангельской области // Общеславянский лингвистический атлас: материалы и исследования. – М., 1991. – С. 268–279.

52. *Седов В.В.* Восточнославянская этноязыковая общность // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 60–68.

53. *Сидоров В.Н.* О предударных гласных в говоре Москвы XVI века // Проблемы современной филологии: сборник статей к 70-летию академика В. В. Виноградова. – М.: Наука, 1965. – С. 242–247.

54. *Собинникова В.И.* Историческая грамматика русского языка. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1984.

55. *Соболевский А.И.* Лекции по истории русского языка. – М., 1953.

56. *Стадникова Е.В.* Материалы к изучению двух фонем “типа о” в старовеликорусском // Историческая акцентология и сравнительно-исторический метод. – М., 1989. – С. 135–175.

57. *Сумникова Т.А.* Из истории древнерусских местоимений // Russian Linguistics. – 2003. – V. 27.

58. *Сумникова Т.А.* О формах именительного падежа местоимения 1-го лица единственного числа в древнерусском языке и письменности // Вопросы языкознания. – 1999. – № 4. – С. 91–97.

59. *Тер-Аванесова А.В.* О соотнесенности знаков знаменной нотации с ударением // Славистика. Индоевропеистика. Ностратика: к 60-летию со дня рождения В.А. Дыбо. – М., 1991.

60. *Трахтенберг О.М.* Обзорные лекции по исторической грамматике русского языка. – Куйбышев, 1984.

61. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. – М., 1964–1973.

62. *Филин Ф.П.* Истоки и судьбы русского литературного языка. – М.: Наука, 1981.

63. *Филин Ф.П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков. – Л.: Наука, Ленингр. отд-е, 1972.

64. *Филин Ф.П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков: историко-диалектологический очерк. – М., 2006.

65. *Хабургаев Г.А.* Древнерусский и древнепольский глагол в сопоставлении со старославянским. (К реконструкции праславянской системы претеритов) // Исследования по глаголу в славянских языках. История славянского глагола. – М., 1991. – С. 42–54.

66. *Хабургаев Г.А.* Судьба вспомогательного глагола древних славянских аналитических форм в русском языке // Вестник Моск. ун-та. Сер. Филология. – 1978. – № 4. – С. 42–53.

67. *Чекман В.Н.* Исследования по исторической фонетике праславянского языка // Наука и техника. – Минск, 1979.

68. *Чернышев В.И.* Описательные формы наклонений и времен в русском языке // В.И. Чернышев. Избранные труды. Т.1. – М., 1970.

69. *Шахматов А.А.* Введение в курс истории русского языка. Часть 1. Исторический процесс образования русских племен и наречий. – Петроград, 1916.

70. *Шахматов А.А.* Очерк древнейшего периода истории русского языка // Энциклопедия славянской филологии. Вып. 11. – Петроград, 1915.

71. *Шевелёва М.Н.* Аномальные церковнославянские формы с глаголом быти и их диалектные соответствия (К вопросу о соотношении церковнославянской нормы и диалектной системы) // Исследования по славянскому историческому языкознанию: памяти проф. Г.А. Хабургаева. – М., 1993. – С. 135–155.

72. *Шевелева М.Н.* “Житие Андрея Юродивого” как уникальный источник сведений по исторической фонетике русского языка (Новые данные о рефлексах сочетаний редуцированных с плавными) // Актуальные

проблемы современной русистики: диахрония и синхрония. – М., 1996. – С. 20–65.

73. *Шевелева М.Н.* Об утрате древнерусского перфекта и происхождении диалектных конструкций со словом есть // Языковая система и ее развитие во времени и пространстве: сборник научных статей к 80-летию проф. К.В. Горшковой. – М., 2001. – С. 199–215.

74. *Шустер-Шевц Х.* Славянская метатеза плавных и процесс дезинтеграции праславянского // Вопросы языкознания. – 2003. – № 1. – С. 78–91.

75. Этимологический словарь славянских языков. – М.: Наука, 1981.

76. *Якубинский Л.П.* История древнерусского языка. – М., 1953.

77. *Lehfeldt W.*, *Altmann G.* Падение редуцированных в свете закона П.Менцерата // Russian Linguistics. – 2002. – V. 26. – № 3.

78. *Lehfeldt W.*, *Altmann G.* Протекание падения редуцированных в древнерусском языке в свете закона Пиотровских // Russian Linguistics. – 2003. – V. 27. – № 2.

БАШКОРТОСТАН БИКИРСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯНЫ • ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть 1. ФОНЕТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА РУССКОГО ЯЗЫКА В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ

Система гласных звуков русского языка..... 3

Система согласных звуков русского языка..... 10

Исторические чередования гласных звуков русского языка..... 17

Исторические чередования согласных звуков русского языка..... 25

Следствия утраты редуцированных в области гласных и согласных звуков..... 34

Переход *Е* в *О* после мягких согласных перед твердыми 39

История аканья в русском языке 41

Часть 2. МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА РУССКОГО ЯЗЫКА В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ

История имен существительных в русском языке..... 43

История имен прилагательных в русском языке 52

История имен числительных в русском языке..... 62

История местоимений в русском языке..... 71

История глагола в русском языке 77

Литература..... 93

БАШКОРТ ЭНЦИКЛОПЕДИЯЛАРЫ · БАШКИРСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Научное издание

Шнайдерман Лариса Алексеевна

ФОНЕТИКО-МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА РУССКОГО ЯЗЫКА В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ

Редактор: *И.С. Сырлыбаева*
Технический редактор: *Д.Н. Махмутова*
Компьютерная верстка: *Е.Т. Хомякова*

Подписано в печать 09.09.2016 г. Формат 60×84 $^{1}/_{16}$. Бумага офисная «Снегурочка».
Гарнитура «Таймс». Печать на ризографе. Усл. печ. л. 5,83. Уч.-изд. л. 4,86.
Тираж 100 экз. Заказ № 53.

Издательство «Гилем» НИК «Башкирская энциклопедия».
450006, г. Уфа, ул. Революционная, 55. Тел.: (347) 250-06-72, 250-06-80, 273-05-93
gilem@bashenc.ru

Отпечатано в типографии НИК «Башкирская энциклопедия».